

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ

УДК 801.731

1.1. Отзыв официального оппонента преподавателя М. В. КОВШОВА на кандидатскую диссертацию иерея Димитрия БАРИЦКОГО на тему «Герменевтический анализ экзегетического наследия преподобного Симеона Нового Богослова»

В процессе вхождения наших духовных школ в Болонский процесс одним из самых проблемных вопросов стал статус кандидатской диссертации по богословию, а именно: какой степени, признаваемой Болонским процессом, она должна соответствовать: магистра (Master's degree) или доктора (Doctor of Philosophy)?

Основным отличием кандидатской диссертации от PhD зачастую считают то, что кандидатская диссертация, согласно стандарту ВАК, направлена на решение какой-либо одной крупной научной задачи, в то время как диссертация Philosophy Doctor — целого комплекса задач. Рецензируемая работа убедительно свидетельствует о том, что студенты МДА способны к написанию диссертаций, которые по своему уровню не уступали бы требованиям к PhD. Настоящая работа может служить наглядным подтверждением словам Святейшего Патриарха о том, что кандидатские диссертации по богословию должны соответствовать международному стандарту требований к работам на соискание степени Philosophy Doctor.

Результаты работы священника Димитрия Барицкого имеют значение для трех ветвей богословской науки: 1) для патрологии, поскольку автор восполняет пробел в области исследования экзегезы прп. Симеона; 2) для святоотеческой экзегетики, так как автор предпринимает попытку построения единой для всех святых отцов семантико-интерпретационной модели; и, наконец, для 3) библейской герменевтики, поскольку автор на материале святоотеческой экзегезы пытается построить систему принципов и методов толкования Священного текста в Православной Церкви.

Как преподавателя библейской герменевтики, меня в наибольшей степени интересует третья сфера актуальности данной работы, поэтому речь в отзыве пойдет преимущественно о ней.

Проблема, которой посвящена кандидатская диссертация священника Дмитрия Барицкого, до сих пор не была окончательно разрешена ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Сам автор формулирует ее как «создание универсальной семантико-интерпретационной модели» (с. 9), «которая учитывала бы, с одной стороны, наличие в священном тексте нескольких смысловых уровней, а с другой — условия и методы их извлечения» (с. 10). Затем диссертант реконструирует семантико-интерпретационную модель, которую использует в своей экзегетике прп. Симеон Новый Богослов (с. 9). В нашей академической науке последней работой подобного рода было фундаментальное исследование профессора МДА Ивана Николаевича Корсунского «Новозаветное толкование Ветхого Завета» (М., 1885), в котором он, опираясь на библейский и патристический материал, дает подробную характеристику основным методам толкования Священного Писания в Православной Церкви. Автор также называет ряд современных отечественных исследователей, разрабатывающих данную проблематику, однако никто из них не ставил перед собой столь сложной и ответственной задачи, как священник Дмитрий Барицкий.

Избранную диссертантом цель мне хотелось бы сравнить с той задачей, которую поставил себе молодой ученый А. Любищев из книги Даниила Гранина «Эта странная жизнь». Будучи ученым-биологом, он захотел создать систему биологических элементов, подобную периодической системе химических элементов Д. И. Менделеева. Решение подобной задачи для современной библейской герменевтики было бы как нельзя более актуальным, поскольку в настоящее время отсутствует единая четкая терминологическая система, которая учитывала бы все многообразие форм святоотеческой экзегетики.

Несмотря на то, что решению данной проблемы могла бы быть посвящена не только кандидатская, но и докторская диссертация, необходимо констатировать, что диссертант с поставленной задачей справился.

Основательное знание состояния исследований в области святоотеческой экзегетики и библейской герменевтики позволило диссертанту подойти к решению поставленной задачи проблемно, системно и глубоко.

ко. В особенности необходимо отметить теорию смыслов Священного Писания и методов их извлечения, которую автор именует семантико-интерпретационной моделью. Для построения семантико-интерпретационной модели святоотеческой экзегетики вообще и преподобного Симеона в частности автор привлек ключевые отечественные и зарубежные источники. На конкретных примерах (английской исследовательницы Ф. Янг и священника Теодора Стилианопулоса) иерей Димитрий показывает, что имеющиеся на сегодняшний день попытки систематизации святоотеческой экзегезы учитывают только один из ее аспектов — либо субъективный, либо объективный, — в то время как Д. Барицкий предлагает свой, комплексный подход к решению этой проблемы. Систематизация по принципу субъекта и объекта интерпретации, с одной стороны, и буквального/небуквального смысла — с другой, является достаточно удачной для автора. Соискатель проводит различие между буквальными и иносказательными толкованиями и затем проводит систематизацию внутри каждой из этих групп. Диссертант убедительно показывает, что буквальный смысл в понимании христианских экзегетов не сводится всего лишь к простому и ясному значению, которое лежит на поверхности. Автор блестяще проводит грань между произвольной аллегорией и тропологическим толкованием для нравственного назидания. В работе дается ясное определение термину «типология» и его отличию от аллегории, выявляются четкие критерии их различения, а также различные смысловые грани понятия «типос». Прекрасно систематизировано и грамотно изложено святоотеческое учение о *θεωρία*, приведены различия в понимании этого термина у представителей двух богословских школ — Александрийской и Антиохийской, и показано его значение для толкования Священного Текста. Хотелось бы также отметить, что автор обосновывает особую роль Священного Предания в понимании библейского текста и убедительно доказывает, что для его верного уразумения экзегет должен непрестанно находиться в этом присно живом потоке Предания.

Композиция работы выверена и четко структурирована. Единственным упущением можно считать отсутствие главы под названием «История исследования», однако этот недочет в значительной мере компенсируется весьма подробным и обстоятельным Введением, в котором, помимо всех необходимых его структурных элементов, хотелось

бы обратить особое внимание на апробацию исследования. Диссертант выступил с докладами по теме диссертации на 7 конференциях и опубликовал или подготовил к печати в общей сложности 8 статей.

При желании автора, одна лишь первая часть его исследования при незначительной доработке могла бы составить содержание отдельной диссертации, однако соискатель, по-видимому, не ищет легких путей. Опираясь на выработанную в первой части семантико-интерпретационную модель, он дает прекрасную систематизацию экзегезы прп. Симеона, ясно показывает, чем отличается его нравственная аллегория от аллегорезы александрийского типа, подробно описывает важнейшие типологические образы у прп. Симеона и т.д.

Все вышеперечисленное представляет собой бесспорные достоинства диссертации и несомненный успех ее автора. В то же время, именно потому, что тема работы представляет большой интерес, она вызывает желание дискутировать, полемизировать, спорить и не соглашаться с автором. Однако хотел бы сразу отметить, что все нижеперечисленное представляет собой не критические замечания, а скорее вопросы для дискуссии и пожелания автору в том случае, если он решится опубликовать свою работу.

Во-первых, в положении 2 на с. 33 автор выделяет в буквальном смысле его доступный уровень, для понимания которого, по его словам, требуется в первую очередь та или иная степень интеллектуальной адекватности экзегета. Из слов автора следует, что для понимания доступного уровня буквального смысла в принципе не важно, к какой конфессии принадлежит экзегет, в каком духовном состоянии он пребывает и т. п. Достаточно лишь, чтобы он обладал определенным интеллектуальным коэффициентом, а если у него к тому же есть хотя бы минимальное библейское образование, то достаточно запустить Bible Works или Logos Bible — и правильная экзегеза готова. Когда два года тому назад в этом же зале мне пришлось защищать диссертацию, от одного из участников дискуссии прозвучало сравнение библеиста с электриком, главная задача которого — «осветить» темные места, прояснить исторический контекст, филологию и т. п. Действительно, в случае с электриком неважно, какой он конфессиональной принадлежности, обладает ли он духовным опытом или нет и т.п.

В этой связи хотелось бы узнать у соискателя, как провести четкую границу между теми толкованиями, для которых достаточно только

интеллектуальной адекватности, и теми, где требуется уже некий духовный опыт? И можно ли в принципе провести такую границу? Ведь в разделе о буквальном смысле автор убедительно показывает, что буквальный смысл — далеко не просто тот, который лежит на поверхности. Так стоит ли определять его как «доступный»?

В предлагаемом автором подходе заметны следы наивного научного позитивизма, характерного скорее для науки XIX — начала XX века, а если говорить о библеистике, то для либеральной библейской критики XIX столетия. Впрочем, многие современные библеисты также придерживаются подобного подхода: экзегет якобы «освобождается» от всех своих исходных предпосылок — мировоззрения, религии, профессиональной принадлежности — и пытается с «абсолютно чистым» умом подойти к анализу библейского текста. Исходя из такой логики, действительно можно выделить в Священном Тексте некий «доступный смысл», извлекаемый сутобо научными методами, и если мы эти методы применим, то обязательно данный смысл извлечем. Такой подход слишком многое упрощает. Очень многие высокоинтеллектуальные и одаренные люди, начиная от библейских критиков Нового времени и заканчивая современными, выводили свои критические теории именно из буквального прочтения библейского текста. Для того чтобы понять, что все не так просто, достаточно было бы более внимательно почитать того же Гадамера, которого цитирует диссертант.

Излагая учение о доступном смысле, автор время от времени сам себе противоречит. Например, на с. 47 он заявляет, что буква Писания амбивалентна и антиномична, и сразу же после этого вновь определяет буквальный смысл как доступный. На с. 73 за утверждением о том, что буквальный смысл не требует особого духовного опыта, через несколько строчек следуют слова о духовной экзегезе, которая встречается и на уровне буквальной интерпретации.

На с. 119 соискатель приводит примеры таких предписаний, где смысл полагается как доступный, которые, очевидно, должны снять все вопросы и прояснить недоумения. Это заповеди, или, как называет их автор, «легислативные предписания»: «любите врагов ваших»¹; «по-

¹ Мф. 5, 44.

кайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»²; «сберегий душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»³; «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»⁴. Все это заповеди (легислативные предписания) — то, что, по мысли преподобного, человек должен узнать из Писания в первую очередь и что может воспринять любой, независимо от своего духовного состояния (с. 113—114). Все вроде бы понятно. А как быть, к примеру, с аналогичными «легислативными» предписаниями Спасителя относительно рук, ног, глаз и других членов в том случае, если какой-либо из них соблазняет человека?⁵ Если верить святоотеческим сочинениям, «непосредственное восприятие» этих заповедей приводило некоторых вполне адекватных в интеллектуальном плане людей к толкованию, последствия которого были поистине ужасны.

Второй вопрос связан с иносказательными толкованиями Священного Писания. В положении № 3 из числа выносимых на защиту автор утверждает, что иносказательный смысл «поддерживается лишь философско-богословскими взглядами экзегета, но не ближайшим или более широким контекстом Писания» (с. 34; см. также с. 83). Хотелось бы узнать у диссертанта, считает ли он, что типология также поддерживается только философско-богословскими взглядами экзегета?

На с. 73 автор утверждает, что «не сам текстологический материал, но церковное Предание является для экзегетов матрицей извлекаемых смыслов», а на с. 76 он говорит о «Предании Церкви, которое наполняет текст Писания смыслом». Действительно ли Предание наполняет текст смыслом, или все-таки толкователь, который находится в потоке Предания, извлекает те смыслы, которые находятся в самом тексте? Если верно первое, то это уже не экзегеза, а эйсэгега. К такому выводу подводит и следующее утверждение диссертанта: «Для нашей работы необходимо упомянуть о двух разновидностях буквальной экзегезы. Во-первых, это толкования, которые ставят своей задачей прояснить референт по-

² Мф. 4, 17.

³ Мф. 10, 39.

⁴ Мф. 16, 24.

⁵ См.: Мф. 5, 19.30; 18, 8—9; Мк. 9, 43.45.47.

вестования, исходя единственно из тех данных, которые предлагает историко-филологический материал. Во-вторых, те толкования, которые ставят своей задачей прояснить референт повествования, исходя из тех данных, которые предлагает вероучительное, нравственно-аскетическое, а также мистическое Предание Церкви» (с. 68). При таком противопоставлении получается, что во втором случае толкователь фактически занимается эйсэгейзой, то есть «вчитыванием» в библейский текст чуждых смыслов, вместо того чтобы извлекать имеющиеся в нем самом значения.

Может сложиться впечатление, что в данном случае для автора гораздо большее значение имеет авторитет «современной научной традиции», как он сам ее называет на с. 37–38, чем традиции церковной или, по крайней мере, традиции отечественной библейской науки. В частности, необходимо констатировать определенную зависимость от иностранных источников, в особенности от работ Ф. Янг, на которую соискатель ссылается чаще всего.

Впрочем, все перечисленное представляет собой скорее указание на проблемные места, которые необходимо обдумать и уточнить перед публикацией работы в виде монографии.

В заключение необходимо сказать о нескольких принципиальных недочетах работы. В числе источников диссертации автор упоминает только Синодальный перевод и Септуагинту; критические издания текста Нового Завета совсем не упоминаются. Может сложиться впечатление, что автор пользовался как основным источником русским переводом Нового Завета, который таковым не является.

Словосочетание «священный текст» в традиции отечественной богословской науки принято писать с заглавной буквы.

В диссертации встречаются отдельные стилистические, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки. В вводной части неоправданно часто предложения начинаются со слов «так, также». Диссертант почему-то особенно не любит запятые — именно этот знак препинания отсутствует чаще всего. Общее количество пропущенных запятых сопоставимо с числом страниц или с количеством источников диссертации (см. в особенности с. 28, 32, а также 93, на которой в основном тексте вместе со сносками пропущено в общей сложности 7 запятых). Вероятно, они мешают динамичному стилю изложения автора.

Однако в целом необходимо отметить, что оформление работы соответствует действующим в церковной науке стандартам и требованиям ГОСТа. Диссертация снабжена подробным научным аппаратом, практически все ссылки на святоотеческие творения являются ссылками на первоисточники. Автор показал способность к аналитической и синтетической работе и владение необходимым методологическим инструментарием. Исследование выполнено на должном научном уровне и соответствует предъявляемым ВАК требованиям к кандидатским диссертациям, а также рамочному документу Священного Синода от 22.03.2011.

Диссертация заслуживает самой высокой оценки, а ее автор — исковой степени кандидата богословия.

1.2. Отзыв официального оппонента доктора философских наук, профессора кафедры Философии религии и религиоведения Философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. Я. САВРЕЯ на кандидатскую диссертацию иерея Димитрия БАРИЦКОГО на тему «Герменевтический анализ экзегетического наследия преподобного Симеона Нового Богослова»

Автор вполне логично и убедительно обосновал актуальность исследования текстов Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русле патристической герменевтической и экзегетической традиции с особым указанием на отсутствие полноты изучения святоотеческого наследия в корпусе исследований, относящихся к поздневизантийскому периоду, виднейшим представителем которого является преподобный Симеон Новый Богослов.

Изучение герменевтики этого выдающегося отца Церкви (неизвестно, зачем слово «отец» и «отцы» автор везде пишет с большой буквы?) является основной, центральной частью исследования, которая предваряется весьма внушительным, фундаментальным и систематически развернутым введением в теорию христианской библейской герменевтики.

Диссертация состоит из двух частей. Часть I — «Опыт построения семантико-интерпретационной модели на основании данных христианской герменевтики», часть II — «Субъектный аспект герменевтического процесса у преподобного Симеона Нового Богослова». По стилю и содержанию они не похожи одна на другую: здесь нет взаимного проникнове-

ния, они не слитны и раздельны, это сфинкс из двух частей, это поток, в котором две струи не смешиваются и не имеют целостного единства.

В результате все построение приобретает характер весьма условной конструкции, и данное обстоятельство ярко бросается в глаза при первом же знакомстве с диссертацией.

Помимо этой особенности диссертации к ней может быть предъявлен ряд не принципиальных, но все же существенно значимых замечаний.

1. Обоснование выбора трудов св. Симеона как предмета исследования (с. 6) не выглядит вполне убедительным.

2. Недостаточная вычитанность текста. В тексте наличествуют не исправленные грамматические ошибки: орфографические, пунктуационные, ошибки согласования. Так, например, на с. 11 в третьем абзаце автор пишет «субъекта», очевидно, вместо «объекта».

3. Не вполне убедителен переход от «объектного» аспекта экзегезы к «субъектному» и обратно. Неясны границы между ними. Когда именно экзегет может быть убежден в том, что текст объективно содержит духовный смысл Священного Писания? При каких условиях он может субъективно считать себя вправе дать ему толкование?

4. Принципиально неправильной представляется часть 3-го тезиса, выносимого автором на защиту: иносказательные смыслы «становятся доступны... в результате перехода от знака к тому референту, который поддерживается лишь философско-богословскими взглядами экзегета, но не ближайшим или более широким контекстом Писания» (с. 34).

Во-первых, такое утверждение представляет собой не что иное, как субъективизацию иносказательного толкования и фактически уничтожает «объектность» рассматриваемого аспекта интерпретации Священного Писания. Во-вторых, оно по существу неверно, так как философско-богословские взгляды экзегета, в свою очередь, должны поддерживаться широким контекстом Священного Писания и, что немаловажно, церковной традицией (соборной), которая это Священное Писание толкует.

5. Соответственно, и определение производимого аллегорезой действия как «подмены» референта в 5-м тезисе (с. 35) выглядит весьма неудачной. Очевидно, что для святых отцов Церкви речь идет не о «подмене», а о прозрении скрытого за буквой повествования замысла Бога, который не произвольно надуман толкователем, но стоит в связи

как с «целым» Священного Писания, так и с «целым» Священного Предания.

6. Автор забывает связать в 6-м, 8-м и 10-м тезисах «опыт θεωρία» и «опыт ὑπόψις» с соборным опытом Церкви так, как будто речь идет лишь о частном, субъективном опыте экзегета. Хотя в дальнейшем он пишет, что «созерцание таинственного смысла Писания... помещает экзегета в живой поток Предания, которое и есть жизнь Духа Святого в Церкви» (с. 140), этому аспекту он уделяет недостаточно внимания.

Между тем преподобный Симеон Новый Богослов ясно пишет в 56-м гимне, что «Бог сотворил нас, чтобы каждый верный совершал в жизни свои дела: одних Он поставил учить, других учиться» и прочее. Господь, говорит он, «предал меня в руки земледельцев — святых, чтобы я совершал Божественные дела... Божественные земледельцы наставляют и других на деяния поистине благие, на дела спасения».

7. В главе 1 (с. 40 и далее) «букве» Писания было бы корректнее противопоставить «дух», а не «теорию». Последняя понималась отцами как средство извлечения «духа» из-под покровы «буквы».

8. Определяя вместе с Г. Г. Шпетом аллeгoрию как наделение текста «произвольными смыслами» (с. 87), автор фактически солидаризируется с чисто светским восприятием этой экзегетической практики.

Однако все эти критические замечания, относящиеся по преимуществу к структуре работы, меркнут перед достоинством содержания обеих частей диссертации, каждая из которых с успехов могла бы быть представленной в качестве самостоятельного исследования.

Автор проделал колоссальную и трудоемкую работу по выявлению, сбору и систематизации огромнейшего материала, о чем свидетельствует обширная библиография по теме исследования и впечатляющий научный подстрочный аппарат, представленный на каждой странице диссертации.

Квалификационная вводная часть диссертации и обе основные части исследования выполнены автором на достойном профессиональном уровне. К несомненным достоинствам диссертации следует отнести ее такие качественные характеристики, как:

1. Сильная сторона работы — постановка самой проблемы *методологии православной экзегезы*.

2. Корректное определение объекта и предмета, постановка целей и задач исследования.

3. Солидная источниковая база, использование современных изданий святоотеческих творений.

4. Широкое использование современной литературы по вопросу: Ф. Янг, К. Ванхузер, Дж. Брек, Т. Стилианопулос и др.

5. Различение «объектного» и «субъектного» аспектов экзегезы, как связанных соответственно со статусом священного текста и духовным опытом самого экзегета, выглядят методологически плодотворными и обладают новизной и актуальностью.

6. Исторический процесс развития герменевтической мысли отцов представлен корректно, сжато и доступно.

7. Схема соотношения принципов толкования в координатах противопоставлений доступного / духовного и буквального / иносказательного смыслов Священного Писания удачна по выраженной в ней мысли, равно как и по своей наглядности.

8. Раскрытие герменевтической мысли преподобного Симеона Нового Богослова обладает широтой, многосторонностью и глубиной проникновения в тексты святого.

Кандидатская диссертация священника Дмитрия Барицкого заслуживает безусловного признания и присуждения высокой искомой степени кандидата богословия.

2.1. Отзыв официального оппонента доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой Русского языка и стилистики Литературного института им. Горького РАН А. М. КАМЧАТНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника⁶ МДА (экстернат) игумена ИОСИФА (Крюкова) на тему «История почитания св. Иосифа Обручника в Православной Церкви»

Актуальность исследования игумена Иосифа не подлежит сомнению, ибо определяется тем парадоксальным фактом, что хотя св. Иосиф Обручник находился у самых истоков евангельской истории, его духовный облик недостаточно прояснен, духовный опыт недостаточно осмыслен,

⁶ 2008 года.

история его жизни, равно как и история его почитания в Православии, недостаточно изучены. Все эти вопросы, а также ряд связанных с ними игумен Иосиф сделал предметом своего научного и богословского анализа.

Структурно диссертация игумена Иосифа отвечает самым высоким требованиям научности.

Во Введении обоснована актуальность исследования, обозначены основные проблемы, поставлены задачи, произведен критический разбор существующей историографии. Что касается последней, то автору удалось установить многоаспектность иосифологической темы, основные линии в ее изучении, избыточную тенденциозность некоторой части литературы (особенно католической) и в то же время определить, какая литература и в каком отношении заслуживает доверия.

Всякая историческая работа, как известно, основывается на исторических источниках. Не является исключением и агиографическое исследование, в котором жизнь подвижника должна быть изучена на основе всей совокупности имеющихся подлинных данных на фоне реальной исторической обстановки, и только после этого жизнь заканчивается и начинается житие, то есть осмысление того духовного опыта, которым может обогатиться церковное предание, поэтому совершенно логично, что игумен Иосиф начинает исследование с обозрения тех исторических источников, из которых можно извлечь факты жизни св. Иосифа Обручника. Автор диссертации выделяет две группы таких источников: это евангельские тексты и тексты апокрифов. Каждая из этих групп создает свои трудности для анализа: евангельские свидетельства, при всей их неоспоримой ценности, весьма скупы в отношении личности св. Иосифа; апокрифические источники, напротив, могут быть многословными и красочными, но возникает проблема отделения достоверных фактов от всего вымышленного, фантастического и мифологического.

Впрочем, проблема исторической достоверности имеет отношение и к евангельским источникам. Автор отмечает тот факт, что эпизода с пастухами нет в Евангелии от Матфея, а эпизода с волхвами — в повествовании Луки; верно и то, что «никто не сможет доказать, что различающиеся детали не имеют исторического основания, но доказать, что такое есть, — тоже невозможно» (с. 31). Однако вывод автора о том, что богодухновенность этих деталей «не означает, что они верны с исторической

точки зрения», при своем развитии может повести очень далеко. Ведь, с точки зрения историка-позитивиста, и факт Благовещения не является исторически достоверным, ибо подтверждается только конфессиональными, то есть заинтересованными, источниками, поэтому отношение между понятиями исторической достоверности и богодухновенности является, по-видимому, односторонним: не все исторически достоверное является богодухновенным, но все богодухновенное является исторически достоверным. Во всяком случае, соотношение этих понятий требует более глубокого освещения, чем это имеет место в диссертации.

После скрупулезного рассмотрения повествования о детстве в Евангелиях от Матфея и Луки автор устанавливает незаменимую роль св. Иосифа в домостроительстве спасения рода человеческого и связанные с ней основные черты его духовного облика — смирение и послушание воле Божией. Кроме того, анализ этих источников ставит перед исследователем ряд нелегких вопросов (о различии в родословиях, о жизни Иосифа до обручения с Марией, об отцовстве Иосифа, его смерти и др.), которые станут предметом исследования в основной части работы.

Вторая группа источников — это апокрифы. В вопросе об исторической достоверности автор диссертации занимает взвешенную позицию: он равно далек и от безапелляционного отвержения этих источников, как сказочных, фантастических, и от безусловного их приятия. Важным представляется следующее замечание отца игумена: те исследователи, которые ставят под вопрос историчность апокрифических повествований, «не могут ни отрицать, ни найти в связи со своими сомнениями должно-го объяснения глубокому восприятию церковным благочестием и широкому распространению заимствований из П[ротоевангелия] И[акова] в назидательной и даже в литургической литературе как на Западе, так и на Востоке» (с. 55). Действительно, церковное предание — это не только передача исторической информации, но и формирование и передача смыслов, связанных с теми или иными лицами евангельской истории, среди которых свое место занимает и св. Иосиф Обручник. В этом отношении апокрифические источники могут дать много ценного.

После обзора источников автор диссертации переходит во второй главе к жизнеописанию св. Иосифа Обручника. Описание политической и социальной обстановки в Палестине и Египте I в. до Р. Х. сде-

лано в целом верно, ибо опирается на большую освоенную автором литературу, однако в качестве элемента диссертационного исследования оно не выглядит органической его частью, так как ничего не объясняет.

Важным для восприятия духовного облика св. Иосифа Обручника является прообразовательный метод толкования Библии, когда лица и события Ветхого завета толкуются как прообразы лиц и событий Нового; благодаря этому духовные свойства первых могут быть перенесены на вторых. В отношении св. Иосифа в христианской традиции устанавливаются три типологические параллели: с Иаковом, Моисеем и Иосифом Прекрасным, о чем автор диссертации подробно пишет на с. 70–75.

В вопросе о примирении расхождений в показаниях евангелистов о происхождении св. Обручника игумен Иосиф благоразумно придерживается традиционной точки зрения, согласно которой св. Иосиф был сыном Иакова по плоти и сыном Илия по еврейскому закону о левирате.

Вполне обоснованно, хотя и с известной долей вероятия, решены в диссертации вопросы о месте рождения св. Иосифа (Вифлеем), о неслучайности наречения его именем Иосифа Прекрасного, о возрасте св. Обручника ко времени вступления в брак с Марией (около 80 лет), о первом браке Иосифа и его детях от этого брака — «братьях и сестрах Господних». Хотя эти решения, как, впрочем, и всякие иные, могут быть подвергнуты ревизии, мы соглашаемся с общим заключением автора диссертации о том, что «выбранные аргументы и сделанные выводы позволяют не противопоставлять апокрифы церковной традиции и церковную традицию — апокрифам, а то и другое — здравому смыслу, а дают возможность их согласовать» (с. 107).

Очень сложны и неоднозначно освещены в святоотеческой литературе духовные и психологические мотивы поведения св. Иосифа в тот момент, когда обнаружилось, что Святая Дева «непраздна сущи», однако автор диссертации очень тонко, даже виртуозно свел воедино святоотеческие высказывания на сей счет (см. с. 133–134) с одновременной здоровой критикой католической традиции решения этих вопросов. То же нужно сказать и о роли, месте, духовном облике св. Иосифа в событиях Рождества Христова.

Свидетельства источников о бегстве святого семейства в Египет во время Иродовых гонений настолько разноречивы, что игумен Иосиф с большим трудом, но с большим искусством выстраивает вероятный

путь беглецов и вероятную хронологию событий, в целом справедливо отказываясь от определенного решения и в большей мере останавливая внимание читателя на духовном облике Обручника, вновь подчеркивая в нем черты смирения и послушания Божественной воле.

Период жизни святого семейства в Назарете после возвращения из Египта стал для диссертанта поводом еще раз обсудить характер отцовства Иосифа в отношении Иисуса Христа, рассмотреть существующие на сей счет точки зрения и привести новые аргументы в пользу святоотеческой традиции в этом вопросе.

Наконец, третья глава открывается краткой сводкой тех упоминаний о св. Иосифе, которые содержатся в святоотеческом наследии и в научной литературе, начиная со II века и кончая современностью. При всей их немногочисленности они дают, как это показывает диссертант, прочную основу для исторически достоверного и духовно ясного облика Обручника, способного противостоять всякого рода фантастическим измышлениям последних лет. Хотелось бы, чтобы последняя тема была развита игуменом Иосифом более подробно в научно-популярных статьях.

В разделе о литургическом почитании св. Иосифа Обручника, конечно же, обращает на себя внимание упоминание об уникальном древнерусском тексте службы св. Иосифу (ГИМ, собр. Уварова). Понятно, что текстологическое, лингвистическое и богословское исследование этой службы должно стать темой отдельного исследования вплоть до научной публикации ее текста, и мы можем лишь пожелать, чтобы эту работу взял на себя игумен Иосиф — первооткрыватель рукописи.

Рассмотрение иконографических и живописных сюжетов, связанных со св. Иосифом как на Востоке, так и на Западе, позволило автору диссертации выработать иконописный канон, выражающий именно православное богословие места и роли Обручника в Божественном домостроительстве, а изучение истории почитания св. Иосифа в Римско-католической церкви позволило определить неприемлемые для православия особенности этого почитания.

Замечаний по работе немного.

Не очень хорошо сформулированы положения, выносимые на защиту. Так, во втором пункте сказано, что «в работе приведен анализ перикоп Священного Писания, содержащих информацию о св. Иосифе Обручнике».

Это, конечно, не положение, которое можно защищать; положением был бы полученный автором результат этого анализа, а не сам факт анализа. То же можно сказать и о третьем «положении»; здесь сказано: «В работе продемонстрировано влияние апокрифической литературы на формирование православного церковного предания вообще и того образа, который в контексте этого предания имеет св. Иосиф». Действительным положением был бы авторский вывод о характере этого влияния апокрифов. В сущности то же можно сказать и об остальных пунктах: везде говорится, над чем работал автор, и нигде не говорится о тех результатах, которых он достиг и которые намерен защищать перед научным сообществом прежде всего в лице диссертационного совета. Напротив, выводы из диссертационного исследования, представленные на с. 263–264, являются теми положениями, которые автор защищал на протяжении своей работы.

Работа написана хорошим русским литературным языком, погрешностей вроде словосочетания *точка преткновения* очень немного. Можно указать еще на часто встречающиеся в тексте диссертации слова *свидетельство*, *свидетельствовать*, которые употреблены не вполне корректно, например: «... Георгий Кедрин (XII в.) *свидетельствует* о доверительных беседах Божией Матери с дочерьми Иосифа» (с. 197). Неужели Георгий Кедрин, живший в XII веке, мог быть свидетелем этих бесед?

Таким образом, диссертация игумена Иосифа представляет собой цельное, законченное исследование, содержащее новые и важные для православного Предания выводы. Святоотеческая письменность, литургическое предание, иконографические источники в целом позволили автору диссертации воссоздать целостную картину жизни св. Иосифа, определить его духовное значение для православной традиции. Представленные в работе материалы профессионально необходимы не только богословам, но и историкам, литературоведам, археографам. Несомненно их польза и для духовенства. Автор диссертации предстает как весьма эрудированный, начитанный в литературе вопроса, трудолюбивый, самостоятельный исследователь, сочетающий профессионализм историка и богослова с глубокой верностью Преданию Православной Церкви.

На основании всего вышесказанного считаю работу игумена Иосифа (Крюкова) успешно состоявшейся, а его самого — безусловно заслуживающим присуждения ему искомой ученой степени кандидата богословия.

2.2. Отзыв официального оппонента преподавателя М. В. ПЕРВУШИНА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА (экстернат) игумена ИОСИФА (Крюкова) на тему «История почитания св. Иосифа Обручника в Православной Церкви»

Представленная к защите диссертация игумена Иосифа (Крюкова) «История почитания святого Иосифа Обручника в Православной Церкви» — это, согласно ее автору, «попытка возможно полно собрать то, что нам сохранила о святом Иосифе Обручнике традиция Православной Церкви» (с. 5), и, добавим от себя, попытка весьма успешная.

Работа посвящена разностороннему анализу личности святого Иосифа Обручника. Диссертационное исследование суммирует основные высказывания о святом Иосифе в апокрифах первых веков христианства, трудах святых отцов Церкви и последующих богословов как Восточной, так и Западной Церквей. К работе также привлекаются и рассматриваются памятники церковного искусства, гимнографии, анализируются их содержание и взаимоотношения друг с другом.

Тема эта удивительно нова и своевременна несмотря на то, что фигура святого праведного Иосифа известна уже две тысячи лет и стоит «у самого центра евангельской истории» (с. 5). До сегодняшнего дня личность этого святого, согласно автору диссертации, не становилась объектом углубленного анализа, как остается практически неисследованным и его значение в жизни всего православного христианства (с. 9). Те же труды, которые хоть как-то затрагивают вопросы его личности, как правило, представляют собой «недифференцированную компиляцию всевозможных апокрифических данных и легенд... оставляя место для безответственного фантазирования и мистификаций» (с. 221).

Соискатель представил в диссертации богатейший материал, посвященный Иосифу Обручнику, попытавшись «собрать все, что сохранило предание Православной Церкви об этом праведнике». Актуальность его работы бесспорна, ведь «не существует ни одной работы, посвященной изучению места святого Иосифа в богословии и духовной жизни Православной Церкви» (с. 23). Не вызывает сомнений и ее практическая значимость (с. 8—10).

Думаю, что нет надобности в пересказе основных положений работы. Отметим особо, что приязнь автора к герою своей диссертации

сообщает работе яркий колорит, позволяя видеть многие грани этой замечательной личности. Радует в работе и хорошо продуманная структура исследования. Немаловажно, что в представленной диссертации соискатель ведет творческий диалог с предшественниками, не избегает дискуссионных проблем. Делается это аргументированно и корректно. Обладая серьезным знанием источников и литературы, соискатель не боится подвергнуть сомнению общепризнанный взгляд на ту или иную частную проблему, порой критикуя точки зрения крупных научных авторитетов (например, А. П. Лебедева и др.). Небезосновательно критикует диссертант и западные научные издания (см., например, с. 88 и др.). В решении поставленных задач соискатель основывается на современных методах исследования, комплексно применяемых в процессе работы, что обеспечивает полноту охвата материала и достоверность выводов.

Наряду со значительными достоинствами следует отметить также ряд отдельных недочетов работы, которые носят скорее рекомендательный характер:

1. Приязнь автора к своему герою иногда переходит всякие жанровые границы, превращая научный труд в эпистолию, гомилию или даже панегирик (см., например, с. 9).

2. На наш взгляд, автор злоупотребляет такими выражениями, как: «будет рассмотрен в соответствующей части» (с. 29), «о чем будет сказано позже» (с. 32), «рассмотрению этой темы будет посвящен отдельный раздел данной работы» (с. 36), «часть... будет вкратце рассмотрена чуть ниже» (с. 88), «к этому вопросу нам еще придется вернуться» (с. 88), «к некоторым нам еще придется вернуться» (с. 91) и т.д. Эти выражения мало конкретны, а хотелось бы более точных отсылок в научном исследовании.

3. Вызывает удивление, что, описывая используемые в работе источники, диссертант почему-то относит к ним и «исследования по церковной археологии» (см. с. 13), и «работы западных иосифологов» (см. там же); раздел же историографии он начинает с патристической литературы «золотого века святоотеческой письменности» (см. с. 13–14), а чуть дальше (в том же разделе историографии) перечисляет изданные апокрифы (см. с. 17–18).

4. На наш взгляд в богословской работе (подчеркну, по специальности «агиография») следует более внимательно отнестись к прославленным и непрославленным святым: «...в проповедях свт. Платона (Левшина) и свт. Филарета (Дроздова)... свт. Иннокентий (Борисов)» (с. 21) — и если последние два иерарха действительно прославлены Церковью, то первый — нет.

5. Также более внимательно следует отнестись в богословской работе к формулировке определения церковного Предания. В частности, вот как можно прочесть то, что пишет диссертант: «В данном разделе пойдет речь о первоисточниках предания Церкви... каковыми являются Священное Писание Нового Завета и апокрифическая литература» (с. 27). Сам же диссертант на с. 95 своего исследования цитирует святого Викентия Леринского: «К преданию относится то, во что веровали все, всегда и везде».

6. По некоторым разбираемым в работе вопросам хотелось бы чаще слышать мнение не только тех или иных ученых, но и самого диссертанта. Так, было бы важным, на наш взгляд, обозначить собственное мнение соискателя при разборе им апокрифов (с. 50—64) или родословной святого Иакова (с. 75—78).

7. В работе встречается ряд опечаток, повторов и стилистических ошибок (см. с. 15, 27, 29, 30, 104, 120 и т.д.), что требует более внимательного прочтения текста диссертации.

8. Хотелось бы, чтобы соискатель все-таки внес ясность в свое двусмысленное выражение, которое так и осталось с предзащиты: «воплощение мужских качеств» (с. 6), применимое к святому Иосифу, причем последующее перечисление этих качеств (жертвенное служение, терпеливое перенесение тягот и др.) показывает их эмансипированность от половой принадлежности.

Указанные недочеты ни в коей мере не умаляют значения работы игумена Иосифа (Крюкова) и, повторюсь, носят скорее рекомендательный характер. Автореферат и публикации раскрывают содержание диссертации.

Таким образом, представленное к защите исследование игумена Иосифа (Крюкова) «История почитания святого Иосифа Обручника в Православной Церкви» является научно-квалификационной работой, оно самостоятельно, завершено, соответствует требованиям диссертаци-

ционного совета МДА, а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия.

3.1. Отзыв официального оппонента профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию стажера МДА В. В. АВРАМОВА на тему «Теория символа в Ареопагитском корпусе»

Задача, которую поставил перед собой автор рассматриваемой диссертации, весьма непростая и сопряжена с целым рядом неочевидных допущений. Главное из них — это убеждение в том, что в позднеантичных и раннесредневековых текстах возможна развернутая рефлексия относительно выразительных средств как таковых.

Конечно, если говорят о теории метафоры у Аристотеля, об античных теориях языка и стиля, почему бы не быть и теории символа? Но здесь надо иметь в виду уже устоявшуюся двусмысленность словоупотребления, которая выдает современный анализ выразительных средств за якобы имевшую место или «реконструируемую» рефлексию древних. Так, например, А. Ф. Лосев много писал об «эстетике Гомера» или «эстетике Гесиода», хотя использованный им для этого поэтический материал явно не мог претендовать на философию выразительных форм. То же самое можно сказать, например, об «эстетике Древней Руси»...

В процессе обострения противоречий между наукой и религией появлялись такие, в частности, апологетические установки, как стремление показать первенство христиан во всех областях знания, не исключая и атомную физику (можно напомнить о брошюре епископа Василия (Родзянко) «Теория распада вселенной и вера отцов»), попытки продемонстрировать «прогрессивную линию» в развитии христианского учения и т.п.

Известную дань этой установке отдает и автор диссертации. Предлагая ответ на вопрос, поставленный прот. Иоанном Мейендорфом, почему св. Григорий Палама так активно использует термин «символ», употребляемый его противниками-варлаамитами и «вытесненный» иконопочитателями, В. В. Аврамов выдвигает гипотезу о том, что «свт. Григорий, последовательно развивает терминологию Ареопагитик» (с. 6). Относительно «последовательности развития» у св. Григория, конечно, все не так уж очевидно, как не очевидно и с «теорией символа» у Псевдо-Ареопагита.

В содержательном историографическом очерке сам автор диссертации отмечает, что, «по мнению А. Ф. Лосева, применительно к Ареопагитикам не стоит говорить о развитой философской теории символизма, потому что «это была эпоха *самих символов*, а не их теорий. Настоящей же теории символа с учетом всей логической сложности этого понятия, человечество не знало еще очень долго»⁷ (с. 18).

«Настоящая» теория символа появилась, как известно, в трудах самого А. Ф. Лосева, равно как «настоящее» обоснование иконопочитания появилось благодаря софиологической доктрине прот. Сергия Булгакова, которых объединяет не только приверженность учению имябожников.

И тем не менее не прислушаться к мнению одного из крупнейших в России XX века знатоков неоплатонизма, по-видимому, было бы неправильно. Автор прислушался и — надо отдать дань его смелости — поставил целью показать несостоятельность этого суждения А. Ф. Лосева.

Ближайшего союзника он нашел в лице «ученика и последователя А. Ф. Лосева» В. В. Бычкова, который видит в «Ареопагитиках» «качественно новый этап развития святоотеческой теории символа и говорит о том, что автор “Корпуса” попытался на методологическом уровне упорядочить бурный символический опыт ранних византийцев» (с. 18).

В этой цитате многое озадачивает. Где В. В. Бычков отыскал «святоотеческую теорию символа» и как выделял «этапы» ее развития? Что понимает он под «методологическим уровнем» в «Ареопагитиках»? Какой материал позволяет говорить о «бурном символическом опыте ранних византийцев»? Все это больше походит на высокопарную идеологическую риторику в духе упомянутой выше «теории распада вселенной»...

Диссертант вполне логично обращается к ставшему уже классическим словарю Лэмп (имя автора у нас транскрибируют и как Лэмп, и как Лампе, хотя английская фонетика для этого не дает оснований). Что же Lampe?

Вот какой вывод делает В. В. Аврамов из работы с его словарем. «Согласно обобщающему выводу статьи, в котором автор ссылается на Оригена и Ареопагитский корпус, σύμβολον — это некоторое означающее, представляющее “действительность (чаще всего сверхчувственную) иную по отношению к самому себе”. Хотя, по нашему мнению

⁷ Лосев А. Ф. Историческое значение Ареопагитик // ВФ. 2000. № 3. С. 76.

[В. В. Аврамова — Н. Г.], представленные в статье данные, позволяют сделать вывод о наличии у Ареопагита тенденции включения в содержание понятия *σύμβολον* не только означающего, но и означаемого» (с. 31).

Отсюда несложно заключить, что основная проблема с понятием «символ» в контексте рассуждений автора диссертации та же, что и с понятиями «образа» («иконы») или «имени»: тут, с одной стороны, — мистический онтологизм имябожников («Имя Божие есть Бог»), с другой — своего рода конвенционализм. На каком «минном поле» мы здесь оказываемся, само собой понятно.

Обратившись, вслед за диссертантом, к словарю Lampe, я нашел у него восемь оттенков значения или употребления слова *σύμβολον*⁸, которые, во-первых, ничего еще не говорят о наличии развернутой теории символа, а во-вторых, вообще могли иначе восприниматься такими греческими отцами, как, например, прп. Иоанн Дамаскин, который, как замечает сам автор диссертации, отклоняет применение понятия «символ» к Святым Дарам как недостаточно реалистичное (с. 31).

Наш автор полагает, что семантическое поле понятия «символ» существенно шире и берется это показать конкретно на текстах «Ареопагитик». В этом отношении он как бы продолжает традиции русской религиозной философии начала XX века. Тогда очень любили строить разные теории символа (Вяч. Иванов, А. Белый, свящ. П. А. Флоренский и др.) и конструировать их далекую родословную.

Запад в этом отношении был более прозаичен. Примером тому служит прежде всего автор «Философии символических форм» Эрнст Кассирер. Он рассматривает зачатки «теории символа» у Лейбница, который «символическое» познание противопоставляет «интуитивному» как более высокому... Легко понять, что в рассуждениях Кассирера речь идет не о «рецепции» и «реципиентах» символа (терминология диссертанта), а об их созидании в духовной деятельности человека. Символ есть откровение, «идушее изнутри вовне».

Автор диссертации во многом противостоит и Кассиреру, и Лосеву.

Он подробно рассматривает «сущностные характеристики и богословско-онтологические основания символа в Ареопагитском корпусе», как то: двуединство, аналогичность, контекстуальность, иерархичность

⁸ PGL. P. 1282.

и т.д., а затем выявляет в «символе» (согласно «теории» Псевдо-Ареопагита) следующие «функции»: кинетическую (адаптивную), эпифаническую, криптографическую, анагогическую, мистагогическую, диалогическую, теургическую, литургическую, «эсхатогогическую». Всего девять — больше, чем Lampe нашел оттенков значения и употребления термина во всей греческой патристике.

Автор основательно работал с текстами, соотносил их с современными «концептами» или приближал к ним, но усомниться в том, что он последовательно осуществлял намеченный план, используя основную имеющуюся литературу, на наш взгляд, невозможно.

В плане изучения семантики понятия «символ» в ареопагитском корпусе диссертант сделал немало и, вполне возможно, его наблюдения еще станут предметом научной дискуссии.

Из мелких замечаний.

К сожалению, для меня остался неудобопонятен следующий пассаж на с. 11: «1. Место источника в системе классификации: тип — письменный источник; вид — повествовательный источник; группа — памятник духовной литературы — канонической; жанр — патристика: трактаты и послания».

Если патристика — «жанр», то может ли произвольно взятый имярек написать что-либо «в жанре патристики», как формально может в жанре романа, сонета, элегии и т.п.? Какими признаками выделяется духовная литература «каноническая» — через *index librorum prohibitorum* и т.п.? Почему тип — письменный источник: разве автор работал с рукописями, а не печатными изданиями?

Оставляя за собой право сомневаться в аподиктической достоверности выводов автора, я полагаю, что он проделал большую и полезную работу, отвечающую всем формальным критериям, предъявляемым к такого рода квалификационным исследованиям, и вполне заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата богословия.

3.2. Отзыв официального оппонента доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заслуженного деятеля науки Г. М. ПРОХОРОВА на кандидатскую диссертацию стажера МДА АВРАМОВА В. В. на тему «Теория символа в Ареопагитском корпусе»

Диссертационное исследование В. В. Аврамова, посвященное смыслу того, что автор корпуса сочинений Дионисия Ареопагита называет символом, показывает хорошее знание Аврамовым литературы, в которой так или иначе об этом идет речь, и его собственную способность продуктивно размышлять на эту тему. Вполне справедливо и убедительно автор диссертации показывает, какое большое и важное значение для Ареопагита имеет понятие «символ» как означающее то, что делает возможным сопричастность означаемого символом воспринимающему его, то есть означающее энергичную сопричастность недоступного в своем существе Вечного тварному преходящему настоящему.

Согласно П. К. Доброцветову, как пишет автор работы, «глубинное понимание символа в «Ареопагитиках» может быть определено как «... реальное соединение в себе воедино двух реальностей», что существенно расширяет содержание категории символа, в которое, таким образом, включается не только означаемое, но и означающее. Так, автор отмечает наличие у символа, кроме внешней стороны, стороны внутренней и говорит, что, согласно Ареопагитскому корпусу, аллегория и символ существуют и функционируют только в контексте «сущностных отношений взаимодействия тварного и нетварного». Все это хорошо и убедительно. Заслуживает похвалы также нацеленность автора на «выявление не только отдельных функций символа, но и их взаимосвязей» (с. 207).

Не могу только согласиться с В. В. Аврамовым, когда он пишет, что «современная патрологическая наука с достаточной убедительностью доказала последнее происхождение “Корпуса”, датируемое границами примерно от 476 года — года введения обычая петь на Литургии Символ веры (уже упоминается в трактате “О Церковной Иерархии”) — и до двадцатых годов VI века — времени первых упоминаний о “Корпусе”» (с. 12), потому что известно, что в III в. сочинения Дионисия Ареопагита видел и комментировал его тезка Дионисий Великий, епископ Александрийский (ок. 190 — ок. 265 г.): на сирийском языке уцелели фрагменты его послания к папе римскому Сиксту I (238 г.), показывающие, что их автор знал послание Ареопагита Поликарпу и имел, как он пишет, перед глазами его «сочинение “О божественном богословии”» или же «книгу “О богословии”», каковую он характеризует как «философское и божественное произведение». Похоже, перед ним лежали «Богословские очер-

ки» Ареопагита, известные нам лишь по названию (упоминаются автором неоднократно, в том числе в начале книги «О божественных именах»⁹ как ей предшествующие). Об их авторе Дионисий Великий пишет: «Он был учеником Павла, устами которого Христос проповедал Евангелие язычникам. Книга этого знаменитого мужа ясно свидетельствует о том, сколь славен был великий Дионисий, написавший книгу “О богословии”, о которой у нас теперь речь. Впрочем, никто и не отрицает этого; даже те, которые полагают противное, если внимательно и вдумчиво прочтут это философское и божественное произведение, то, руководясь истинным свидетельством этого учителя, находящимся перед нашими глазами, без всякого затруднения поймут, что эти божественные писания принадлежат не какому-либо иному мужу, а именно великому Дионисию, который, будучи одарен божественным вдохновением, с великим благочестием стоял во главе Афинской Церкви». Здесь же он пересказывает послание Ареопагита епископу Смирнскому Поликарпу.¹⁰ А в другом сохранившемся фрагменте его толкований на сочинения Дионисия Ареопагита он говорит об аподиктическом и символическом богословии их автора. «В этих отрывках, — пишет переводчик и издатель трудов Дионисия Александрийского А. Дружинин, — заключается обширное и весьма ясное свидетельство о подлинности творений, приписываемых Дионисию Ареопагиту»¹¹.

Станным — на этот раз с точки зрения русского языка — кажется мне и одно из определений В. Аврамовым символа как «метода» («метод взаимодействия богопознания и обожения»). Не лучше ли было бы сказать «средство»?

Ошибочно объяснение автором работы слова «кенотическая» как происходящего от греческого κίνησις, что означает «движение» (автор, впрочем, часто вместо «кенотическая» пишет «кинетическая»). Правильнее было бы указать здесь на слово κένωσις — «опоражнивание».

В целом же работа В. В. Аврамова, я считаю, дает ему право на обретение им искомой степени кандидата богословия.

⁹ Дионисий Ареопагит. О божественных именах 1, 1.

¹⁰ См.: Творения св. Дионисия Великого, епископа Александрийского, в русском переводе / Перевод, примечания и введение свящ. А. Дружинина, под редакцией э. о. профессора Л. Писарева. Казань, 1900 (СПб., 2009).

¹¹ Во втором издании с. 24.

4.1. Отзыв официального оппонента профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА иерея Димитрия ДРУЖИНИНА на тему «Основные положения теософии»

Теософское движение конца XIX — начала XX веков, начало которому положила деятельность Е. П. Блаватской, пустило достаточно глубокие корни в среде интеллигенции и вновь обнаружило свою живучесть столетие спустя, когда «Тайная доктрина» была широко растиражирована в России и привлекла новых adeptов.

Нельзя сказать, что учение Е. П. Блаватской и ее последователей не встречалось с критикой со стороны православных апологетов. Но систематического, научно выдержанного обзора этого учения в отечественной литературе до сих не было, поэтому диссертация священника Димитрия Дружинина с полным основанием может рассматриваться как пионерская.

Диссертация состоит из Введения, трех разделов, поделенных на главы, Заключения, списка литературы и фотоприложения.

Во Введении автор раскрывает актуальность исследования, дает подробнейшую историографию темы и отвечает на весь спектр традиционных вопросов, предъявляемых в настоящее время к диссертациям в системе светского образования (объект, предмет, цель, метод и т.п.).

Уже по Введению становится совершенно очевидным, что автор уверенно ориентируется в достаточно объемном материале, самостоятельно и убедительно его систематизирует и интерпретирует.

Первый раздел диссертации, состоящий из двух глав, посвящен историческому обзору деятельности Е. П. Блаватской, Г. С. Олькотта, А. Безант и Ч. У. Ледбитера.

Во втором разделе автор весьма подробно разбирает теософскую доктрину.

В третьем излагает понимание теософами духовной жизни, в частности, их отношение к медитации, спиритическим явлениям, применению наркотических средств, специфику их отношения к аскезе.

Весь текст диссертации написан в целом продуманно и аргументированно, он свидетельствует о многолетней целенаправленной работе автора.

Тем не менее если следовать строго за названием диссертации, то возникают сомнения: а существуют ли «основные положения» теософии как таковой, независимо от российской «жрицы Изиды» и полковника Олькотта?

Открываем статью «Теософия» в фундаментальном французском «Словаре духовности», написанную известным специалистом по эзотеризму Антуаном Фэвром. Вот с каких слов она начинается: «Теософической доктрины не существует. Необходимо многократно повторять, что речь идет, как в отношении эзотеризма вообще, о некоторой установке ума (*esprit*) и некоторой форме исследования. Также, когда говорят о теософии, всегда нужно уточнять, какая имеется в виду. Помимо авраамических религий самих по себе, на Западе встречается теософия в основных текстах гностицизма первых веков... но больше всего, независимо от него, в неоплатонизме и герметических текстах»¹². По мнению Антуана Фэвра, теософию можно найти и в стоицизме; иудейская Каббала есть не что иное, как теософия, равно как и значительная часть шиитского учения.

Придерживается ли автор диссертации иной точки зрения? Похоже, что нет! На с. 60—61 мы находим следующие суждения: «Некоторые православные богословы считают, что мистическое богословие, которое с IV века по Р.Х. начало развиваться египетскими подвижниками и связано с именем преподобного Макария Великого, породило особую “отшельническую православную теософию”... Такое богословие — “плод мистической веры, значительно отличается от так называемого рационалистического догматического богословия... это богословие составило и составляет нашу православно-христианскую теософию”».

Далее автор рассказывает, что к представителям *такого рода* теософии относят прп. Исаака Сирина, последователей византийского исихазма, — и переходит к *западной* традиции: «Благодаря латинским переводам “*Corpus Arceopagiticum*” употребление слова “теософия” получило дальнейшее историческое развитие на Западе. Практически все образованные западноевропейские мистики средневековья испытали влияние языка “*Corpus Arceopagiticum*”, усвоив в свой лексикон слово “*theosophia*” и, более того, называя себя “*theosophi*” (теософы). Через них оно (в вариациях национальных европейских языков) было усвоено по отношению к своим системам следующими поколениями мистиков и оккультистов Ренессанса и Нового времени, такими как Парацельс, Беме, Экартгаузен, Сен-Мартен».

¹² *Favre A. Théosophie // Dictionnaire de Spiritualité. P., 1991. Vol. 15. Col. 548.*

«Однако не вся теософия, — продолжает автор, — пошла по оккультно-магическим стезям. В XIX веке ряд выдающихся ученых и философов — Фридрих Шеллинг, Владимир Соловьев, Макс Мюллер — выдвинули идеи построения теософии как системы “цельного” Богопознания в синтезе мистического и рационального элементов с отрицательным отношением к оккультизму».

В примечании 204 на с. 61 автор подчеркивает: «К сожалению, некоторые статьи о теософии даже в серьезных академических словарях неадекватно сужают понятие “теософия” как принадлежащее лишь нехристианским пантеистическим системам (такова статья профессора Ф. Г. Овсиенко¹³). Это ошибочное представление необходимо наконец исправлять!»

На с. 62 своего исследования автор утверждает, что исследуемую им систему взглядов Е. П. Блаватской вообще неправильно именовать *теософией*: «...присвоение системе Блаватской, Олькотта, Безант и Ледбитера названия “теософия” неправомерно вообще, ведь смысловым фундаментом термина “теософия” является понятие “Бог”. Это отмечал, в частности, Н. Бердяев, говоря, что наименование теософии Блаватской и ее коллег неоправданно, так как в ней нет познания Бога».

В таком случае неотвратимо встает вопрос: насколько название *диссертации* соответствует ее тексту? Мне представляется, что двух мнений здесь быть не может и название диссертации должно читаться следующим образом: «Основные положения теософии Е. П. Блаватской и ее последователей». Причем слово «теософия», согласно логике самого автора, здесь предпочтительно взять в кавычки.

Из более мелких замечаний. Хочу обратить внимание автора на то, что в диссертации нет упоминания работы прот. П. Я. Светлова, одного из первых критиков теософских увлечений конца XIX века, хотя и довольно «толерантного». Имею в виду издание: *Светлов П. Я. Мистицизм конца XIX века в его отношении к христианской религии и философии. 2-е изд. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1897.*

В работе есть опечатки, в том числе и в библиографии, но где их не бывает?

¹³ Овсиенко Ф. Г. Теософия // Энциклопедия религий. М., 2008. С. 1256–1257.

С учетом высказанных замечаний считаю, что рассматриваемая диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода работам, а автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия.

4.2. Отзыв официального оппонента доцента, заведующего кафедрой Философии и кафедрой Основного богословия и апологетики ПСТГУ В. П. ЛЕГИ на кандидатскую диссертацию выпускника МДА иерея Димитрия ДРУЖИНИНА на тему «Основные положения теософии»

Название работы священника Д. Дружинина сформулировано столь обтекаемо, что оно не настраивает читателя на серьезное и вдумчивое чтение. Однако с первых же страниц убеждаешься, что перед тобой не популярная брошюра, а фундаментальное исследование очень известного и влиятельного оккультного учения. При дальнейшем чтении лишь убеждаешься в правильности этого вывода.

Перед автором стоит, прямо скажем, весьма нелегкая задача. Теософия — очень разноплановое, противоречивое учение, имеющее самых разных сторонников, часто во многом не соглашавшихся друг с другом. Логика аргументации у теософов также совершенно не похожа на логику ни научную, ни философскую, ни традиционно-религиозную. Читая страницы различных теософских работ, трудно избавиться от впечатления, что перед тобой некое религиозное «фэнтези». Критиковать же и исследовать вымысел — довольно неблагодарная задача.

И тем не менее автору удается найти правильный путь исследования. Прежде всего, автор уделяет много (иногда возникает впечатление, что слишком много) страниц разного рода историческим фактам. Диссертант подробно излагает биографии основных представителей раннего теософского движения, повествует об их трудах, взаимоотношениях друг с другом и т.п. Необходимость такой «биографической части» исследования обусловлена самим характером теософии, суть которой нельзя свести только к учению, поэтому даже и в последующих главах своей работы, когда священник Димитрий переходит к анализу теоретических положений теософии, он вновь и вновь возвращается к историческим и биографическим фактам.

Критический православный анализ любого религиозно-философского учения может основываться либо на поисках внутренних противоречий и нестыковок в данном учении, либо на его несоответствии святоотеческому христианскому учению, либо на несоответствии научным положениям. Священник Димитрий в полной мере продемонстрировал первый метод, показав противоречия у каждого из основоположников теософии, их несогласия друг с другом и даже несоответствия жизненных позиций теософов их теоретическим декларациям. В плане богословского анализа автор тоже достаточно часто демонстрирует фундаментальное отличие учения отцов Церкви от теософских спекуляций. К сожалению, третий метод, предполагающий демонстрацию несоответствия критикуемого учения научным положениям, в работе представлен гораздо меньше. Но это и не представляется большим недостатком, поскольку не нужно быть серьезным ученым, чтобы понять всю абсурдность оккультных выводов теософов с точки зрения науки.

Работа имеет четкую структуру. Она состоит из Введения, трех разделов, Заключения и списка использованной литературы и источников. В первой главе автор рассказывает об основоположниках теософии, во второй — об основных положениях теософского учения, в третьей — о том, как в теософии понимается духовная жизнь. В каждом разделе имеются несколько глав, в которых автор подробно раскрывает различные аспекты теософии и дает ее критику. Хотя священник Д. Дружинин совершенно справедливо указывает в заключении, что прежде чем критиковать какое-либо учение, необходимо в нем разобраться, однако при чтении его работы никак не можешь избавиться от впечатления, что изложение теософских мудрований все же превышает необходимое. Стрательность автора невозможно преуменьшить, но все же непонятно — зачем столь подробно описывать учение о карме, чакрах, кундалини и прочих бредовых измышлениях теософов? Тем более что далеко не всегда этот пересказ заканчивается критикой теософии. Да это и понятно: критиковать чужь — занятие неблагодарное. Для нормального христианина или ученого глупость теософии очевидна, а стороннику теософии такой пересказ ни к чему. Или эта подробность нужна для выработки иммунитета к теософии? Ибо, прочитав несколько десятков страниц, ощущаешь непреодолимое отвращение ко всяким теософским измышлениям.

Таким образом, говоря в целом о работе, можно заметить, что положительные ее стороны одновременно являются и ее сторонами отрицательными: необычайно большой для кандидатской диссертации объем (более 20 а/л.), говорящий о необыкновенной старательности, вдумчивости и усердии диссертанта, может свидетельствовать и о том, что автор не может четко и кратко изложить основные положения своей работы. По крайней мере, для столь объемного исследования наличие краткого резюме основных положений в заключении к работе явно не помешало бы.

Что особенно впечатляет в работе — это библиография. Автор действительно основательно проработал и практически все труды основоположников теософии, и многочисленные критические исследования их учения, и воспоминания различных лиц об этих людях. Достаточно лишь назвать количество книг, перечисленных в библиографическом списке, чтобы оценить грандиозность работы: 252 критических исследования и 185 работ основоположников, причем многие работы — на иностранных языках.

Разумеется, в работе присутствуют и небольшие недочеты. Что касается мелких и конкретных замечаний (и иногда даже придировок), можно было бы отметить следующие.

На с. 62 и 63 повторяется одна и та же цитата Е. Блаватской из ее 57-го письма.

Во французских словах, иногда встречающихся в тексте, отсутствуют диакритические знаки (ударения).

Непонятно, что такое гносеологическая несостоятельность теософии (с. 105—121, 221)? При чем здесь гносеология как учение о познании? В главе 3.6, где говорится о «гносеологической несостоятельности концепций космогенеза и антропогенеза», автор пишет о близости теософии с гностицизмом. Но, думается, автор все-таки должен знать, в чем состоит отличие гностицизма от гносеологии.

Незаконченными представляются рассуждения автора о том, к какому виду религиозности следует отнести учение Е. Блаватской и ее последователей (с. 69 и далее). Является ли оно пантеизмом или атеизмом — до конца непонятно. И что такое в этом случае Абсолют, и какую роль он играет в теософии?

Некоторые фразы выглядят несколько странно построенными. Например: «в христианстве страх оказаться неготовым к вечным мукам»

(с. 155). Как будто вся жизнь христианина должна состоять в подготовке к этим вечным мукам. Очевидно, что автор имел в виду совсем противоположное, но корявость стиля привела к странным выводам. Иногда неправильно проставленные знаки препинания также меняют смысл фразы. Но все это скорее исключение, чем правило, ведь работу в целом отличает хороший стиль изложения.

Несмотря на эти мелкие замечания можно сделать вывод, что работа проделана очень большая, аргументация в ней приводится совершенно логичная, а выводы сделаны тоже правильные, поэтому, на мой взгляд, автор данного диссертационного исследования заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата богословия.

5.1. Отзыв официального оппонента преподавателя иерея Сергея ЕЛИСЕЕВА на кандидатскую диссертацию иерея Антония БОРИСОВА на тему «Диалог между Римско-Католической и Англиканской церквями в конце XIX — начале XXI века: богословские, исторические и канонические аспекты»

Целью представленной к защите диссертации иерея Антония Борисова является «изучение англикано-католического диалога в его различных проявлениях, а также подробный анализ его развития и итогов» (с. 6). Актуальность и новизна темы диссертационного исследования не вызывают сомнений. Изучение богословия экуменизма важно не только для успешной миссионерской работы и проповеди православия в мире, но и для более глубокого и ответственного усвоения православного догматического богословия. Поместные Православные Церкви на протяжении долгого времени участвуют в межконфессиональном диалоге. Изучение истории диалога Римско-Католической и Англиканской церквей безусловно способно положительно повлиять на характер участия Православных Церквей в экуменическом диалоге. Следует также отметить, что в отечественной богословской литературе нет исследований, посвященных теме представленной диссертации. Автор постарался собрать, перевести на русский язык и представить в своем труде все доступные ему материалы, и прежде всего официальные документы, посвященные диалогу между Римско-Католической

и Англиканской церквами в конце XIX — начале XXI вв., активно используя для этих целей сеть интернет.

Несмотря на вышеприведенные достоинства представленной работы у рецензента есть к ней несколько замечаний.

1. Подробно излагая содержание документов, относящихся к диалогу между РКЦ и АЦ, автор, по мнению рецензента, недостаточно подробно описывает его историческую канву. Это замечание относится в первую очередь к непростому положению (статусу) Римско-Католической церкви в Англии в XIX веке.

2. Автор лишь вскользь (с. 18) упоминает о так называемом Оксфордском движении и о том, что его идеология отличалась от позиции других представителей Высокой церкви, впрочем, чем именно отличалась эта позиция — об этом автор умалчивает. Думается, что именно на примерах Дж. Г. Ньюмена и Э. Б. Пьюси было бы уместно показать, чем именно отличалось отношение к РКЦ в среде Высокой церкви.

3. При упоминании о Ламбетских конференциях и роли Кентерберийских архиепископов автору стоило бы упомянуть об их статусе и роли в жизни Англиканского содружества, о том, насколько они сопоставимы по значению, например, с папским служением и Вселенскими соборами в РКЦ или с Православными Поместными Соборами.

4. Недостаточно полно освящена и православная позиция относительно «англиканских посвящений». В тексте диссертации упоминается главным образом о Московском Совещании глав и представителей Православных Церквей 1948 года и о непризнании им англиканских посвящений. Впрочем, автору известно и о прямо противоположном отношении к данному вопросу, высказанном частью Православных Поместных Церквей в 20–30-е гг. XX столетия. И хотя тема православно-англиканского диалога напрямую не связана с темой представленной диссертации, попытки автора дать православную оценку как самому диалогу между АЦ и РКЦ, так и поднятым во время него вопросам выглядят не всегда убедительными. Например, о политических причинах резкого охлаждения отношений РПЦ с АЦ, проявившегося на Московском Совещании 1948 года, в настоящее время написан ряд статей¹⁴.

¹⁴ См., например: *Артсва М. В.* Вынужденность решений Московского Совещания глав и представителей Православных Церквей 1948 года. <http://www.bogoslav.ru/text/571168.html>.

5. Автор справедливо указывает на то обстоятельство, что «решение Всеправославного совещания в Москве переключается с мыслями, изложенными митрополитом Антонием (Храповицким) в его работе “Почему англиканские клирики могут быть приняты в существующем сане”» (с. 50), но автор, к сожалению, не проверяет, насколько безальтернативной с канонической и богословской точки зрения выглядит позиция как самого митрополита Антония, так и участников Московского Совещания 1948 года¹⁵.

6. Диссертант пишет, что, «несмотря на решения, принятые в рамках Второго Ватиканского собора, а также заявления, сделанные в ходе Баламандского соглашения, уния «более не может быть принята ни в качестве метода, которому можно было бы следовать, ни в качестве образца для объединения христиан — католики по-прежнему рассматривают свою экуменическую деятельность в присоединении к Риму всех прочих христиан. По сути, единственным условием восстановления общения с Римом сегодня для всех христиан остается признание папского главенства в Церкви» (с. 150). В связи с этим хотелось бы задать автору вопрос, а чем по сути отличается православный метод присоединения инославных христиан к Церкви Христовой от римско-католического?

Несмотря на ряд замечаний к диссертационному исследованию, которые, впрочем, порой выходят за пределы его темы, автор, проделавший обширную работу по поиску и систематизации материала, безусловно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата богословия.

5.2. Отзыв официального оппонента, доцента, заведующего кафедрой Сравнительного богословия ПСТГУ протоиерея Валентина ВАСЕЧКО на кандидатскую диссертацию иерея Антония БОРИСОВА на тему «Диалог между Римско-Католической и Англиканской церквями в конце XIX — начале XXI века: богословские, исторические и канонические аспекты»

Представленное к защите диссертационное исследование посвящено всестороннему осмыслению новейшей фазы англикано-католического диалога, история которого имеет особое значение для отечественного

¹⁵ По этому вопросу см., например: Пашков Дмитрий, иерей. Икономия // ПЭ. 2009. Т. 22. С. 51–58.

богословия, обладающего собственным опытом надежд и разочарований в общении с Англиканской церковью. Такое направление научного поиска представляется безусловно актуальным, ибо проблематика этого диалога позволяет определить как степень возможного единения, так и принципиальные противоречия, существующие между католичеством и той ветвью протестантизма, которая до недавнего времени считалась одной из самых традиционных.

Работа состоит из введения, трех глав основной части, заключения и списка источников и литературы, большая часть которых — на английском языке. После обоснования во введении актуальности исследования, определения его цели, задач и круга источников автор представляет обзор научной литературы по теме. Исследовательский материал основной части сведен в три основные главы, первая из которых посвящена неофициальным контактам представителей англиканства и католичества в конце XIX — начале XX столетий. Вторая глава описывает начало и развитие официального диалога Римо-Католической церкви и Англиканской, третья — его современное состояние, после потрясений, которые охватили Англиканское содружество в последние десятилетия. В заключении представлены основные итоги диалога, обозначены направления, по которым было достигнуто некое единение, и те вопросы, по которым мнения сторон разошлись.

В своем диссертационном исследовании автор обнаруживает свободное владение исследуемым материалом, а также широкую богословскую эрудицию, которую он плодотворно использует для изучения поставленной проблемы. Работу отличает подлинная новизна в обращении к самым современным достижениям и противоречиям англикано-католического диалога, остающегося до сих пор малоизученной страницей в отечественной церковной науке. Безусловным достоинством данного диссертационного исследования является широкое использование новейших первоисточников, преимущественно на английском языке, которые автор вводит в научный оборот. Несомненным достоинством и, смею надеяться, отрадной тенденцией последних лет является и использование современной западной литературы по теме, свободное и одновременно непредвзято критическое. Учитывая отечественный опыт диалога с англиканством, соискатель предлагает цельное и объективное осмысление заявленной проблематики.

В оценке труда такого уровня неизбежно присутствуют замечания, которые, однако, вполне могут быть отнесены к числу пожеланий на будущее. Самое существенное из них относится к теме работы, ее ограничение по времени или по аспектам исследования придало бы исследованию дополнительную глубину и детальность. Местами работа перегружена биографическими подробностями, не относящимися напрямую к теме, например в описании жизненного пути лорда Галифакса и аббата Фердинанда Портала на с. 17–24. Досадно портят общее впечатление от работы стилистические погрешности, например, термин «доктрина» в русском словоупотреблении отягощен военно-политическим его применением, в богословском сочинении более уместно заменить его на «вероучение», подобным же образом стоит заменить «клерикальное» на «священническое» и т.д.

Все вышесказанное никоим образом не отменяет объективную научно-богословскую ценность данного труда. Считаю, что представленное к защите диссертационное исследование вполне соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым к работам данного уровня, а соискатель — присуждения искомой степени кандидата богословия.

6.1. Отзыв официального оппонента кандидата исторических наук, доцента кафедры Истории Церкви исторического факультета МГУ Г. М. ЗАПАЛЬСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника МДА СЗО игумена ФЕРАПОНТА (Кашина) на тему «Монастыри северо-запада Костромской земли (Буйский район): опыт церковно-археологического исследования (история, архитектура, святыни)»

Объектом исследования в диссертации игумена Ферапонта (Кашина) выбраны три обители, расположенные в северо-западной части Костромской епархии, в пределах современных границ Буйского района Костромской области. Это Свято-Предтеченский Иаково-Железоборовский, Макариево-Писемский и Ферапонто-Монзенский монастыри. Диссертант является наместником первого из них, и в его работе неизбежно научный интерес сочетается со стремлением возродить традиции в наши дни. Это обстоятельство придает диссертации не только академическое, но и живое практическое значение.

Структура работы проста и понятна. Каждая из трех глав посвящена одному из монастырей и делится на параграфы, посвященные истории обители, ее архитектуре, святыням и предметам церковного искусства. В случае с Иаково-Железнодорожским монастырем, более известным и сравнительно лучше обеспеченным источниками, чем два других, выделяются также параграфы о подворьях, иконографии основателя обители и т.д. Правда, некоторые структурные решения выглядят нелогично. Так, жизнеописание преподобного Иакова Железнодорожского помещено в параграфе, посвященном соответствующему периоду истории монастыря, а сведения о жизни других местных святых XV в. — Иакова Брылеевского, Саввы и Вениамина — почему-то выделены в отдельный параграф, размещенный гораздо дальше, после рассказа о возрождении монастыря в наши дни.

В исследовании использован большой массив источников: как опубликованных, так и извлеченных из архивов Костромы, а также РГИА и РГАДА. Очень ценны составленные диссертантом списки относящихся к Иаково-Железнодорожской обители документов Государственного архива Костромской области (в том числе утраченных) и Костромского областного архива новейшей истории. В то же время приведенную классификацию источников и литературы трудно признать удачной. Игумен Ферапонт справедливо отмечает, что исторические документы, на которые ссылаются авторы дореволюционных монографий, зачастую утеряны. Однако на этом основании сами монографии отнесены в диссертации к группе источников, что нельзя признать оправданным. А в библиографическом списке в конце работы мы обнаруживаем их уже в разделе «Литература». В результате происходит путаница между научным исследованием и опубликованными (или процитированными) в нем источниками. Источники делятся во вводной части работы на архивные, библиографические и визуальные. Хотя несложно доказать, что один и тот же текст (например, житие) может легко оказаться как в первой, так и во второй группе. Представляется более правильным, указав, какие архивы и архивные фонды исследованы, разделить источники на традиционные виды: законодательные, мемуарные, периодическую печать и т.д. Также удивительно, что, используя несколько статей из «Православной энциклопедии», автор не обратился к статье, специ-

ально посвященной Железоборовскому монастырю¹⁶. Знакомство с ней помогло бы еще немного расширить круг источников и литературы.

Игумену Ферапонту удалось не просто подробно изложить историю обителей, но и исправить ошибки в публикациях дореволюционных авторов или предложить различные трактовки и датировки исторических событий. Кроме того, после выхода этих трудов прошло еще одно столетие монастырской истории — с его специфическими явлениями, в том числе изъятием церковных ценностей, репрессиями и мученичеством монахов. Эти сюжеты диссертант подробно разбирает. В целом главы, посвященные монастырской истории, тяготеют к описательности. Можно было бы поставить в работе дополнительные задачи, например исследовать в исторической динамике состав братии Железоборовской обители по сохранившимся формулярным спискам. Почти не использованы источники личного характера: переписка, воспоминания как монашествующих, так и светских людей, паломников, а это могло бы украсить диссертацию.

В искусствоведческих главах читатель встретит целый ряд важных наблюдений и выводов автора. Скажем, он отмечает, что два главных каменных храма Иаково-Железоборовского монастыря — Рождества Богородицы и Рождества Иоанна Предтечи — строились в середине XVIII в. с разницей всего в несколько лет, но при этом отличаются по стилю. Первый тяготеет к провинциальному барокко, а второй — скорее к древнерусскому стилю. Проводятся сопоставления памятников архитектуры с близкими образцами, прежде всего в Костромской губернии. Как несомненную заслугу игумена Ферапонта отметим собрание сведений обо всех известных иконографических изображениях преподобных Иакова Железоборовского, Иакова Брылеевского, Макария Писемского, Ферапонта Монзенского (в том числе несохранившихся, упомянутых в дореволюционных описях имущества обителей и т. п.). В диссертации впервые достаточно подробно описан редкий поклонный крест из Макариево-Писемского монастыря, предложена его датировка — XVI в., хотя и оговорены возможности иной датировки. Впервые изучены сохранившиеся росписи Благовещенского храма Ферапонто-

¹⁶ Зонтиков Н. А., Кочетов Д. Б. Железоборовский во имя святого Иоанна Предтечи мужской монастырь // ПЭ. 2008. Т. 19. С. 133–137.

Монзенского монастыря. Интересна попытка реконструкции несохранившегося житийного образа преподобного Иакова Железоборовского.

Избранным в диссертации жанром автор наследует не только своим многочисленным современникам, создавшим историко-археологические описания различных храмов и монастырей, но и родоначальникам жанра — духовным писателям XIX в., среди которых выделяется такой классик, как архимандрит Леонид (Кавелин). В целом рецензируемый труд является качественным по исполнению, опирающимся на солидную источниковую базу научным исследованием. Оно дает почти исчерпывающее представление о трех обителях Костромского края, их многовековой истории и особенно о художественном наследии.

Результаты работы могут быть использованы в исследованиях и учебных пособиях по истории Православной Церкви, истории искусства, а также могут помочь при определении путей реставрации монастырских храмов. Основные положения диссертации нашли отражение в автореферате и публикациях автора. Содержание диссертации игумена Ферапонта (Кашина) «Монастыри северо-запада Костромской земли (Буйский район): опыт церковно-археологического исследования (история, архитектура, святыни)» не оставляет сомнений, что автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия.

б.2. Отзыв официального оппонента доцента Н. В. КВЛИВИД-ЗЕ на кандидатскую диссертацию выпускника МДА СЗО игумена ФЕРАПОНТА (Кашина) по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему «Монастыри северо-запада Костромской земли (Буйский район): опыт церковно-археологического исследования (история, архитектура, святыни)»

Настоящая диссертация посвящена церковно-археологическому исследованию трех монастырских комплексов Костромской епархии, в которых вновь восстанавливается монашеская жизнь. Практическая необходимость реставрации архитектурных сооружений, а также стремление возродить духовные традиции и историческую преемственность в жизни воссозданных обителей обусловили актуальность выбранной темы.

Избранная тема является достаточно традиционной. Возрожденный в науке XX в. тип церковно-археологического описания, характерного

для исследователей церковных древностей XIX в., стал особенно популярен в церковной науке последних десятилетий. Это связано с историей Русской Церкви в XX в., с возвращением Церкви ее достоинства и попыткой научного освоения этого наследия. Каждый новый объект становится, таким образом, актуальным и определяет новизну исследования самим фактом своего включения в церковную жизнь. Даже в тех случаях, когда объем новых письменных источников, привлекаемых исследователем, невелик, как в данной работе, само обобщение известного материала, его комплексный анализ и систематизация представляют несомненный интерес и имеют научное значение.

В диссертации игумена Ферапонта исследуются три монастырских комплекса — Иаково-Железоборовский монастырь, Макариево-Писемский и Ферапонто-Монзенский. Отличия в историческом значении и степени изученности выбранных объектов исследования нашли соответственное отражение в работе. Наиболее известному, Иаково-Железоборовскому монастырю, посвящено более половины работы, два менее известных монастыря занимают более скромное место. Однако именно эта часть демонстрирует исследовательский подход автора диссертации. Введение в научный оборот новых архивных документов позволило заложить прочную базу церковно-археологического изучения памятников. Многолетние исследования автора, часть которых отражена в научных публикациях, позволили представить в данной диссертационной работе широкую историческую картину жизни трех обителей Костромской епархии, основанную на глубоком анализе источников и обобщении разнообразных фактов исторического, экономического, литературного и художественного характера.

Для решения поставленных в диссертации задач (исследование истории обителей, анализ архитектуры, исследование убранства интерьеров, анализ художественных особенностей произведений церковного искусства, а также новейшая агиология) избран комплексный метод исследования. Особенностью данной работы, проявившейся в отношении каждого из объектов исследования, является широкое привлечение агиографического материала в качестве основного исторического источника.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, подразделенных на параграфы, и Заключения, снабжена Библиографическим списком и Приложениями, в которых представлены перечни архивных докумен-

тов по истории монастырей (1, 2), копии следственных дел насельников Иаково-Железоборовского монастыря, пострадавших в период советских гонений (5), копия описи Иаково-Железоборовского монастыря конца XVI — начала XVII века (6), иллюстрации (7).

Во Введении автор обосновывает актуальность исследования, формулирует его цели и задачи, характеризует избранный метод исследования и дает характеристику использованных источников. Следует отметить, что несомненной удачей является обнаружение автором не только документов частного характера, освещающих хозяйственную деятельность монастырей, но и таких важнейших исторических источников, как монастырские описи. Найденный автором диссертации фрагмент древнейшей монастырской описи рубежа XVI—XVII вв., фиксирующей иконное убранство, является ценнейшим памятником, заслуживающим отдельного исследования.

Каждая из трех глав диссертации посвящена одному монастырю. Материал в главах распределяется по одной и той же схеме, определенной уже в подзаголовке диссертации. В первой главе «Иаково-Железоборовский монастырь» рассматривается история монастыря, его зданий и святынь, а также затронуты вопросы иконографии. В основе первого раздела лежат церковно-археологические описания монастыря П. Румянцев и А. Воскресенского, опубликованные в конце XIX и начале XX века.

Вторая глава посвящена Спасо-Преображенскому Макариево-Писемскому монастырю. Третья глава — соответственно Ферапонто-Монзенской обители. Опираясь на публикации Н. А. Зонтикова, посвященную Макариеву монастырю, и сведения из «Жития Ферапонта Монзенского», автор представляет убедительный очерк истории этих обителей.

Введение новых архивных документов, внушительный список которых приведен в приложении, позволяет положительно оценить работу автора диссертационного исследования. Одной из сильных сторон работы является использование житий святых как исторического источника. Несомненным научным вкладом является привлечение большого объема визуальных источников. Найденные архивные фотографии и подробные описания сохранившихся памятников архитектуры, монументальной живописи и выявленных икон позволяют не только решить исследовательские задачи, но и обоснованно подойти к задаче научной реставрации памятников архитектуры и монументальной живописи возобновленных обителей.

Наряду с отмеченными положительными сторонами работа не лишена недостатков. В качестве замечаний отметим следующее.

1. В библиографическом списке (с. 167—174) нет четкого разделения на литературу и источники. К источникам, за исключением Синодального издания Библии, отнесены только рукописные материалы. Такие опубликованные источники как ПСРЛ, жития святых, описи монастырского имущества, иконописный подлинник помещены в разделе «Литература».

2. В историографическом обзоре (с. 12—14), указывая на публикации предшественников, автор не анализирует проблематику работ, их методики и результаты, отмечая лишь, что в настоящее время, в связи с утратой многих упоминаемых в них документов и предметов, эти исследования получили значение исторических источников. Отсутствие критического разбора, во-первых, затрудняет анализ исследовательской работы автора, во-вторых, не позволяет составить отчетливого представления о круге памятников, связанных с исследуемыми монастырскими комплексами.

3. Предложенная автором реконструкция состава клейм утраченной житийной иконы прп. Иакова (с. 78—79) не имеет научной аргументации.

Однако эти замечания не могут изменить в целом положительное мнение о диссертационном исследовании. Работа игумена Ферапонта (Кашина) соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а соискатель заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата богословия.

Автореферат отражает содержание диссертации.

7.1. Отзыв официального оппонента доцента О. В. СТАРОДУБЦЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА СЗО иеродиакона ИОВА (Чернышева) на тему «Николо-Угрешский монастырь в XX веке»

Представленная к защите на соискание ученой степени кандидата богословия работа иеродиакона Иова (Чернышова) на тему: «Николо-Угрешский монастырь в XX веке» выполнена в установленные учебной частью сроки с соблюдением формальных требований, предъявляемых к данному виду работ, и, пройдя предзащиту на кафедре Церковной истории, допущена к защите. Общий объем работы — 186 страниц.

Представленная работа состоит из введения (с. 4—17), основной части из 5 глав (с. 18—142), заключения (с. 143—148) и пр.

Безусловным достоинством работы является то, что автор продолжает свое дипломное исследование, углубляя его и выводя на новый уже профессиональный уровень. Это, в свою очередь, накладывает на соискателя иные требования и подходы к написанию кандидатского труда, что, впрочем, во многом автору удалось.

Заявленная тема в современных условиях звучит несколько архаично, хотя во «Введении» автор ставит себе много задач, решение которых необходимо было выполнить в соответствии с требованиями современной церковно-исторической науки. Достоинством работы, которое служит примером и для других соискателей, является то, что автор сам является насельником Николо-Угрешского монастыря и его интерес к данной теме обусловлен не формальным исполнением необходимых требований, а живым участием в жизни родной обители. Это подтверждает и дипломное исследование и опубликованная работа «Летопись Николо-Угрешского монастыря 1905—2009 гг.», текст которой составлен автором. В работе представлен обширный фактологический материал и прежде всего архивные документы, которые вводятся в научный оборот впервые, что придает работе актуальность и новизну.

В своей работе автор, приводя архивные документы, сам столкнулся с проблемой как сложно работать с архивными документами и сколько нужно прилежания, чтобы из разновременных документов путем анализа и критического метода изучения воссоздать историческую картину. К сожалению, есть собранный автором архивный материал и воспоминания очевидцев исторических событий, но критического анализа представленных документов в работе не сделано.

Автор указывает на многие исторические документы, с которыми он не только знаком, но и непосредственно работал, особенно с материалами касательно возрождения обители, однако в работе полностью отсутствует фотографический материал, который тоже является важной частью истории и сугубо необходим в данном труде.

Было бы уместно дать полноценную информацию о структуре монастыря и его насельниках после его открытия в 1990 году и до 2000 года.

Поспешность сказывается и в оформлении самой работы. В некоторых местах ссылки не соответствуют указанным страницам (с. 94, 96, 98). Есть несоответствие страниц оглавления и фактической нумерации страниц. Встречаются пропущенные чистые листы. В некоторых местах автор несоответственно требованиям оформляет сноски.

Во введении автор достаточно подробно останавливается на разработке данной темы историками и краеведами, указывая на положительные аспекты изученных им трудов и привлеченных в работе, а также на их недостатки. Автором указаны и две дипломные работы, защищенные в Угрешской семинарии в 2003 и в 2010 годах. Судя по комментариям соискателя, они привнесли не много нового в церковно-историческую науку, но это не помешало автору ссылаться на них в рамках своего научного исследования (с. 69, 99).

На с. 21 описывая погребение архимандрита Валентина, автор явно забыл поставить кавычки и дать сноску на некролог. На этой же странице говорится о том, что в обитель 5 апреля приехал епископ Серафим и совершил панихиду, и только позднее упоминается, что его визит был не случайным, а совершённым по благословию Московского митрополита. В параграфе 2 (с. 22) «Имущественная деятельность Никола-Угрешского монастыря в начале XX века» даются пространные сведения о земляных наделах и недвижимости, начиная с 1877 года, что не укладывается в исторические рамки озаглавленного параграфа, а повествование идет с 22 по 25 страницу.

Во 2 главе автор говорит об устроенной в 1913 году пустыни с церковью в честь свт. Гермогена. «Угрешский монастырь, пользовавшийся благожелательным вниманием и особым вниманием первых Романовых, засвидетельствовал свое почитание подвига святого патриарха Ермогена». Правда автор не упоминает, что и пустынь, и сам храм были деревянными и более чем скромными. Вот и все почитание святого. На с. 33 автор приводит тексты и забывает дать сноски. Во 2 параграфе повествуется о пребывании в монастыре епископа Гермогена (Долганова). Среди прочего мы узнаем, что в 1915 году «монастырь обнесен высокой красной стеной, с башнями по углам» (с. 35), а до этого, получается, стены и башен просто не было.

На с. 37, да и в других местах, автор не указывает, что свт. Макарий причислен к лику русских святых и упоминает его просто как митро-

полита. Здесь же достаточно некорректная фраза: «... митрополичье место достается...».

Приведенная цитата на с. 48—49 не относится к большевистской власти, а говорит о ситуации при Временном правительстве. Осталось неизвестным (с. 49), когда была упразднена церковно-приходская школа обители, так как на с. 55 она числится в «полном запустении» уже в 1919 году.

На с. 51, кроме прочего, указано: «Братия разбежалась по домам от голода», а на с. 60 читаем, что «архимандрит Макарий сумел сохранить братство обители». На с. 51 мы вновь узнаем о свт. Макарии, что «он, как и прежде, занимал архиерейские палаты», а ранее говорилось о весьма скудном жилище, и непонятна позиция автора относительно этого факта. Приведенная на той же странице цитата все же подтверждает, что настоятель монастыря относился к свт. Макарию не очень дружелюбно.

Подводя один из итогов 3 главы, автор утверждает: «... на Московский регион пришлось большая часть ценностей, изъятых в ходе кампании 1922 года», хотя непонятно, на основании каких цифр сделано это заключение. Вывод был сделан следующий: в Николо-Угрешском монастыре изъятие церковных ценностей было «достаточно спокойным», почти образцовым и дало возможность обители продолжить существование.

Совсем неубедительно выглядит параграф «Жизнь Гермогеновой пустыни», большей частью составленный на основании противоречивых воспоминаний. Непонятно, зачем разыскивать это место в наше время по «воспоминаниям» отца Сергия, если «в 1924 году Сергиевским уездным Исполнительным комитетом была издана карта Сергиевского уезда...».

Параграф 6 — «Первосвятительские визиты Патриарха Тихона в монастырь». В этом параграфе, как и в самой заглавии, автор часто забывает о том, что Патриарх — святитель.

Непонятно почему, говоря об обновленчестве в центре, автор приводит как пример белорусские монастыри (с. 78).

С чувством некоей внутренней радости начинает автор четвертую главу: «С 1927 года начинается период трудовой коммуны, которая на время (63 года! — О. С.) сменила иноческое бытие Угрешской земли на динамичную жизнь коммунаров...».

На с. 115 указано, что в «монастыре начались реставрационные работы», однако непонятно, когда именно, а «в начале 1990 года завер-

шилась частичная реставрация Успенской церкви». На этой же странице читаем о «возникшем плане реставрации»: непонятно, когда он возник и кто был его инициатором.

Таинственно звучит предложение на с. 120: «Хор, участвовавший в богослужении, появился совершенно неожиданно, украсив своим пением древнюю обитель».

Широкий жест сделал временно управляющий Астраханской епархией епископ Дмитровский Филарет, передав в качестве монастырского подворья храм Спаса-Преображения в Астрахани. Однако необходимо заметить, что данное событие произошло в ту пору, когда епископ Филарет был управляющим этой епархией, а не московским викарием и ректором Академии, и что на это дал благословение Патриарх.

На с. 126 говорится, что в музее-ризнице монастыря, кроме богослужебных предметов, икон, книг, хранятся «памятники истории». Хотелось бы уточнить, какие.

Мы достаточно подробно остановились на недочетах работы с уверенностью, что они будут критично изучены автором и учтены в дальнейших трудах. Столь придирчивое отношение к диссертации вызвано еще и тем, что она написана живым языком в жанре церковного краеведения и безусловно интересна как по подбору архивного материала, так и по отношению автора к истории родной обители.

Хотелось бы больше увидеть в работе исторического анализа и более критичного подхода особенно к воспоминаниям. Но все же исследование зримо находится уже на ином уровне, нежели подобные работы, написанные и защищенные в Академии 10–15 лет назад, хотя в современных условиях быстрого развития церковно-исторической науки этого может оказаться недостаточно.

При всех указанных недостатках и недочетах считаем возможным поддержать труды молодого историка-краеведа иеродиакона Иова и признать работу состоявшейся, а соискателя заслужившим степень кандидата богословия.

7.2. Отзыв официального оппонента кандидата исторических наук, доцента, секретаря Ученого совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла

и Мефодия А. И. МРАМОРНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА СЗО иеродиакона ИОВА (Чернышева) на тему «Николо-Угрешский монастырь в XX веке»

Рецензируемая диссертация иеродиакона Иова посвящена новейшей истории одного из самых известных монастырей Русской Православной Церкви — Николо-Угрешского.

Хронологическими рамками работы выбран XX век, хотя пятая глава выходит за эти оговоренные в названии диссертации рамки (в ней материал доводится почти до настоящего времени — на с. 129 этот экскурс автор объясняет, хотя, на наш взгляд, неубедительно). Объединение в одной работе разных эпох — дореволюционной, первых лет советской власти, периода массовых репрессий, позднего советского периода и современности является во многом искусственным и должного обоснования во введении не находит.

Фактически в течение нескольких десятилетий монастыря не существовало и «истории» как таковой у него не было. Во введении автор справедливо указывает на невозможность рассмотрения истории отдельной обители вне контекста истории Русской Церкви в целом. Но в том-то и заключается проблема, что последнее столетие делится на ярко выраженные хронологические этапы, и для каждого характерна своя источниковая база, а порой — и свои методы исследования. Показать глубокое владение ими в рамках одной кандидатской диссертации, на наш взгляд, затруднительно.

Нельзя не согласиться с характеристикой, данной автором диссертации состоянию историографии темы. Как он справедливо показал, в новейшей истории обители много неизученных сюжетов, а серьезных исследовательских работ — мало. Историографическая база рассмотрена диссертантом исчерпывающе, что, несомненно, является достоинством работы.

Завершая обзор историографии, автор указывает на ее публицистичность и перечисляет недостатки. К ним он, в частности, относит отсутствие «достаточно подробного описания имущества и владений монастыря» (с. 12), не объясняя научную ценность и необходимость такого описания. Требуется, как представляется, обоснования и отнесение самим автором его работы к жанру «церковного краеведения» (там же).

В источниковом обзоре мы встречаем классификацию источников не по типам и видам, как это принято в исторической науке, а по принципу их опубликованности или неопубликованности и по местам архивного хранения неопубликованных источников. При этом аналитического обзора используемых источников автор во введении не приводит.

Необходимо указать на слабую степень апробированности работы. Автором опубликованы три научных труда, из них только один имеет непосредственное отношение к содержанию данной диссертации. Ни одна статья не была опубликована в ведущих научных светских или церковных изданиях.

Первая глава диссертации посвящена периоду истории Николо-Угрешской обители с 1900 (почему не 1901?) по 1905 год. Первый параграф содержит предельно краткие биографические данные об архимандрите Валентине (Смирнове), в период управления которого монастырь вступил в XX в., а второй — имущественному положению монастыря на рубеже XIX — XX вв. Материал двух параграфов между собой не связан, изложение носит исключительно описательный характер, выводы ни после параграфов, ни в целом по главе не сделаны.

Вторая глава посвящена деятельности архимандрита Макария (Ятрова) и жизни обители с 1905 по 1917 год. Участие настоятеля во всероссийском монашеском съезде не является уникальным фактом истории обители. Странное впечатление производит обширное цитирование на с. 29 — 30 данных из «Ведомости о школах, богадельнях и больницах за 1909 год». Почему именно этот год? Если это единственная сохранившаяся ведомость такого рода, об этом следовало написать. Каким было участие настоятеля монастыря в организации школ, богаделен и больниц? Ведь именно ему посвящена глава.

Чем монашеская жизнь, богослужebная практика, социальный состав братии, хозяйство Николо-Угрешского монастыря отличались от других русских православных обителей того же времени? На наш взгляд, ответ на этот вопрос обязательно должна была дать представленная к защите работа. Но такого ответа в тексте второй главы нет.

Примечательно, конечно, выделение в отдельный параграф сюжета о пребывании в Николо-Угрешском монастыре епископа Гермогена (Долганова), но все наполнение параграфа свелось к цитированию ранее

публиковавшихся воспоминаний Б. М. Эйхенбаума. Нужно, кстати, заметить, что это были годы Первой мировой войны, когда вся Русская Церковь не только молитвенно, но и организационно, и материально осуществляла помощь русскому воинству и страждущему народу. Каково было участие в помощи воинам и беженцам Николо-Угрешского монастыря? Об этом в диссертации иеродиакона Иова не сказано ни слова.

Третья глава посвящена истории монастыря в первые годы советской власти. Первый параграф призван раскрыть роль святителя Макария (Невского) в истории обители. Особое внимание уделено назначению владыки на московскую кафедру и восприятию его московским обществом (хотя этот вопрос к теме диссертации прямого отношения не имеет), а потом и удалению с кафедры. Затем следуют обширные цитаты из сохранившихся воспоминаний о пребывании святителя в монастыре. Документального (с использованием официального делопроизводства) исследования этих страниц истории обители не проведено: автор опирается преимущественно на мемуары. Выводы по материалу параграфа отсутствуют.

Второй параграф, судя по названию, призван осветить влияние Поместного Собора 1917 — 1918 гг. на жизнь обители. Автор отметил, что «важным звеном, связующим Угрешский монастырь и Поместный Собор, стало участие в работе Собора делегата от мирян Гродненской епархии Евлампия Осиповича Красина» (с. 47). При этом никакой другой связи между Николо-Угрешским монастырем и Поместным Собором, как видно из текста параграфа, не было.

В третьем параграфе рассказано о первых советских декретах, касавшихся Церкви. Здесь же описаны первые практические антицерковные мероприятия, коснувшиеся обители и пребывавшего в ней на покое святителя Макария. Подробно, на полутора страницах, процитировано ранее публиковавшееся письмо владыке к Патриарху Тихону (с. 53—55).

Далее в главе приводится ценный архивный материал, обнаруженный автором диссертации: акт осмотра монастырского училища и гостиницы 1919 г., документы о деятельности трудовой артели при Николо-Угрешском монастыре, список братии 1920 г.

Отдельный параграф посвящен изъятию церковных ценностей из монастыря в 1922 г. Автор как будто пытается ввести читателя в тему изъятия, хотя в целом она уже неоднократно рассматривалась в литературе,

и потому такое введение представляется излишним. На него отведено несколько страниц, что, на наш взгляд, излишне и является скорее недостатком работы. Затем приведен уже материал, относящийся к изучаемой теме. Выводы, сделанные диссертантом, следующие: судьба изъятых из Николо-Угрешского монастыря ценностей неизвестна, их изъятие проходило спокойно, что позволило монастырю сохраниться (с. 72).

Пятый параграф посвящен жизни Гермогеновой пустыни в после-революционные годы. Связь ее с обителью хотя и обозначена, но не раскрыта в работе (как раз здесь-то и нужна предыстория).

Шестой параграф посвящен визитам Святейшего Патриарха Тихона в Николо-Угрешский монастырь. Здесь автор проводит тезис о верности монастыря канонической Церкви и стойкости под давлением «обновленцев», хотя приводимые факты и аргументы относятся к 1924 г. (а не к 1922 — 1923 гг.). Параграф почти полностью построен на опубликованных мемуарных источниках и содержит обширные цитаты из них.

Седьмой параграф посвящен истории с выселением из монастыря святителя Макария и началу закрытия монастыря. Ход событий прослеживается по архивному делу из ЦГАМО и Архиву Объединенного музея-заповедника, что, несомненно, относится к достоинствам рецензируемой диссертации. Здесь же описана кончина святителя Макария. Недостатком можно считать то, что автор предпочитает передавать сведения источников в виде громоздких цитат, иногда доходящих до полутора страниц. Таким образом, текст лишается самостоятельности.

В четвертой главе рассматривается жизнь трудовой коммуны в монастыре и последующая история обители. Здесь подробно описывается характер производственной деятельности на территории монастыря начиная с рубежа 1920-х — 1930-х гг.

Во втором параграфе автор предпринимает попытку исследовать судьбы насельников монастыря в годы гонений. Этот раздел диссертации представляет собой собрание биографий отдельных насельников. Какие-либо обобщения, анализ печальных тенденций этого трагического времени диссертантом не представлены, поэтому научное значение данного параграфа невысоко.

Третий параграф посвящен судьбе монастырского ансамбля в 1930-е — 1980-е гг. Автор достаточно подробно раскрывает перипетии перехода

зданий от одного советского учреждения к другому. Данный параграф можно отнести к лучшим местам рецензируемой диссертации. Непонятно, правда, почему автор пишет, что советский период в истории обители завершился в 1988 г. «празднеством 1000-летия Крещения Руси» (с. 117), если уже из пятой главы читатель узнает, что постановление о передаче монастырского комплекса Церкви было принято в 1990 г.

Наконец, уже упомянутая пятая глава посвящена современному этапу в истории обители — ее возрождению. Достоинством ее является использование зафиксированных диссертантом устных свидетельств о возвращении монастыря Церкви. Основным недостатком главы, как представляется, является утомительное перечисление служивших и посещавших обитель в новейший период. Хроникальные подробности, которые могут фиксироваться в летописи или на официальном веб-сайте монастыря, совершенно не нужны в научном труде.

В работе, к сожалению, нет органического единства глав и параграфов, они не объединены общей идеей, принципами и методологией. Даже в тех параграфах, которые содержат ценный фактический материал, обнаруженный или актуализированный диссертантом, практически отсутствует анализ и оценка этого материала и серьезные выводы. Автор склонен к описательности, к подробной передаче источниковых материалов и их цитированию без критической оценки. Прочтение диссертации вызывает также серьезные претензии к стилю изложения и орфографии (точнее, графике, поскольку автор далеко не всегда использует формат написания имен и терминов, принятый в церковно-исторической научной литературе).

Объем диссертации без библиографии и приложений составляет 242 тысячи знаков, что соответствует лишь половине установленного Священным Синодом Русской Православной Церкви минимального объема квалификационных работ, представляемых на соискание ученой степени кандидата богословия (п. III. 4 «Положения об итоговых и научно-квалификационных работах (диссертациях) в системе духовного образования Русской Православной Церкви»). Но поскольку диссертация была в основном выполнена еще до принятия Священным Синодом указанного «Положения», то, на наш взгляд, возможно сделать уступку диссертанту и принять к защите текст в имеющемся объеме.

Квалификационная работа иеродиакона Иова нуждается в серьезной доработке, но, наш взгляд, эту доработку следовало проводить ранее, в период выполнения диссертации. Отмеченные недостатки исследования свидетельствуют, скорее, не об отсутствии необходимых компетенций и знаний у автора, а о недостаточно пристальной работе кафедры и научного руководителя с соискателем и мотивирования его к кропотливому труду.

Учитывая сказанное, рекомендую диссертационному совету Московской духовной академии присудить иеродиакону Иову искомую ученую степень кандидата богословия. В то же время выражаю надежду, что текст диссертации будет доработан и издан в виде научной монографии. Для ее подготовки хотелось бы дать следующие рекомендации:

1) Сузить хронологию работы и сформулировать ее тему следующим образом: «Судьба Николо-Угрешского монастыря в советское время с 1917 по 1991 год».

2) Привлечь дополнительные архивные источники, а также советскую периодическую печать.

3) Расширить круг архивных источников, сделать запросы в ведомственные архивы о наличии материалов по истории монастыря.

4) Более тщательно проработать опубликованные источники: как упомянутые во введении к работе и в библиографическом списке, так и оставшиеся вне поля внимания автора (например, сборник документов «Православная Москва в 1917—1921 годах: Сборник документов и материалов». М.: Изд-во Главархива г. Москвы, 2004).

5) Вписать историю Николо-Угрешского монастыря советского периода в историю Московской епархии.

6) Предпринять попытки просопографического изучения братии монастыря в годы гонений, опираясь на уже накопленный и представленный в диссертации материал.

7) Расширить базу устных свидетельств о состоянии монастырского комплекса в позднее советское время.

До переработки и опубликования диссертации в виде научной монографии да послужат настоящие рекомендации постоянным напоминанием автору о том, что ученая степень кандидата богословия была ему присуждена более по снисхождению, нежели по заслугам.

8.1. *Отзыв официального оппонента доцента А. А. МАТВЕЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА монаха ПАНТЕЛЕИМОНА (Королева) на тему «Эволюция и функционирование служебной и четвей редакций церковнославянского Апостола в эпоху книгопечатания (на материале 91-го и 153-го зачал)»*

Весь труд монаха Пантелеимона свидетельствует о большом трудолюбии и усердии автора. Автор в своем сочинении показал значительную начитанность и знакомство с источниками и литературой вопроса. Судя по списку источников и пособий, автору пришлось перечитать и познакомиться с обильным материалом. Уже само собрание довольно богатого исторического материала по всем аспектам темы придает сочинению весьма значительную ценность. При всем обилии литературы монах Пантелеимон сумел сохранить чувство истины, хотя не везде сумел угадать действительную ценность отдельных сочинений. Содержание всех источников усвоено им в достаточной мере. Чужие мнения он излагает частью своими словами, частью цитирует.

Видно, что автор не жалел сил и не скупился на труд, стараясь сделать то, что он мог сделать, наилучшим образом. На всем сочинении лежит печать труда не только вполне добросовестного и самостоятельного, но и исполненного с большой любовью и увлечением. И если оценивать рассматриваемый труд с точки зрения той пользы, какую получил лично сам автор, то бесспорно, что он сделал для себя капитальное приобретение и выходит из Академии с большим запасом знаний, подкрепленных самостоятельным изучением.

Труды автора принесли хорошие плоды. В его сочинении, носящем на себе следы продуманности в целом и в большинстве деталей и свидетельствующем не только о работоспособности автора, но и о его умении анализировать и отделять главное от второстепенного, дается ясное раскрытие темы.

Изложение монаха Пантелеимона насыщено ссылками на документы, с постоянными (на своих местах) цитатами. Сочинение обнимает все главные стороны предмета. Оно написано хорошо выработанным научным литературным языком, без лишних словоизлияний, в достаточно строго проведенной системе научного изложения. Единственное, что вызывает неприятие у автора рецензии, это встречающееся стилистически неоправданное выражение «фрагменты Апостола».

Во вступлении к работе, говоря о цели исследования, автор пишет: «Целью исследования было выявление истории текста Апостола, составление единой картины...» (с. 7). Хотелось бы услышать от автора ответ на следующий вопрос: в какой степени мы можем увидеть эту картину полной при столь малом объеме исследуемого материала?

Следующий вопрос касается слов на с. 8: «Особо отметим практическую значимость приложения В, которое можно считать началом работ по составлению критического текста...». Разве это начало не положили предыдущие поколения исследователей?

Конечно, дело не обошлось без некоторых промахов. Встречающиеся опечатки (их мало) отмечены в сочинении. Но все они ничтожны и случайны и не вредят существу дела. Вопросы, обращенные к автору, нужно воспринимать как уточняющие.

Нужно заметить, что монах Пантелеимон потрудился вполне добросовестно. Он сжился с темой и полюбил ее. Автор показал себя добрым хозяином своего дела и продемонстрировал свое развитие как богослова. В его лице мы имеем дело с человеком, который с большой пользой прошел академический курс и совершенно достаточно подготовился к делу на пользу Православной Церкви.

Сравнивая достоинства и недостатки сочинения, мы находим, что последние не превышают первых и не лишают нас возможности признать труд монаха Пантелеимона достаточным для присвоения ему ученой степени кандидата богословия.

8.2. Отзыв официального оппонента кандидата филологических наук, старшего научного сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Г. КРАВЕЦКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника МДА монаха ПАНТЕЛЕИМОНА (Королева) на тему «Эволюция и функционирование служебной и четвѣй редакций церковнославянского Апостола в эпоху книгопечатания (на материале 91-го и 153-го зачал)»

Диссертационное исследование монаха Пантелеимона посвящено текстологии Нового Завета эпохи книгопечатания. Актуальность этой темы сомнений не вызывает. Уже более ста лет текстология славянской Библии относится к числу приоритетных тем славистики. Но говорить

о том, что мы имеем историю славянской Библии, преждевременно. На сегодняшний день мы имеем критические издания лишь небольшой части библейских книг. К тому же хронологические рамки всех без исключения работ, посвященных истории славянского библейского текста, ограничиваются периодом рукописного бытования текстов. Эпоха книгопечатания остается при этом совершенно неисследованной. Таким образом, работа монаха Пантелеимона представляет собой не только первое рассмотрение текста Апостола эпохи книгопечатания, но и вообще первый опыт изучения, посвященного текстологии славянской Библии эпохи книгопечатания. Радуется, что этот труд был проделан в стенах Московской духовной академии. Более века назад в России изучение библейской текстологии велось в основном силами духовных школ. Вне всякого сомнения, работа монаха Пантелеимона соответствует современному уровню славянской библеистики.

Исследования библейского текста эпохи книгопечатания невозможно предпринимать без опоры на историю рукописной традиции, поэтому в первой главе диссертации содержится обзор исследований рукописного текста славянского Апостола. Для своих целей монах Пантелеимон привлекает материал классического труда Г. Воскресенского и недавнего исследования Христовой-Шомовой. Этот материал монах Пантелеимон соотносит с группировкой евангельских рукописей, полученной группой А. А. Алексева. Вслед за историками книги монах Пантелеимон связывает появление редакции Апостола, легшей в основу печатной версии текста, с деятельностью Максима Грека.

Если первая глава представляет собой свод исследований рукописной традиции Апостола, основывающийся на результатах, которые были получены предшествующими исследователями, то вторая глава, в которой анализируется печатный текст Апостола на материале двух зачал, является результатом текстологического анализа, предпринятого впервые. Для удобства хранения и обработки значительного по объему материала автором была написана база данных, позволяющая хранить материал в формате *h1p*. К сожалению, в тексте диссертации описание этой базы не дается. Между тем написанная автором база является, судя по всему, представляющим самостоятельную ценность инструментом, который может быть использован и в других работах по текстологии. Будем наде-

яться, что у автора еще будет случай описать созданный им инструментарий и дать другим исследователям возможность им воспользоваться.

Собирая и группируя текстологический материал, монах Пантелеимон пошел по наиболее трудоемкому пути, фиксируя не только текстологические разночтения, но и грамматические и орфографические расхождения различных изданий. Обычно столь полного свода разночтений исследователи библейской текстологии не приводят, потому что особенности графики и орфографии для истории текста дают немного. Однако в процессе чтения работы приходится признать правоту автора. Дело в том, что в печатных книгах число разночтений существенно меньше, чем в рукописных. Пользоваться теми критериями отбора разночтений, которыми пользуются исследователи текстов, бытующих в рукописной традиции, здесь кажется рискованным. Приходится признать, что способа априори определить, какие особенности текста являются значимыми, пока не существует, поэтому максимально полное (и, несомненно, избыточное) описание материала на данном этапе оказывается единственно возможным способом работы. К тому же фиксация всех разночтений дает возможность отвечать на вопросы, касающиеся истории становления церковнославянской книжной нормы. Собранный монахом Пантелеимоном материал позволяет проследить, где и когда прописные буквы начинают использоваться в *Nomina sacra*, в каких изданиях дублетные буквы и диакритические знаки начинают использоваться для противопоставления омографов и в каких позициях это делается. К сожалению, в тексте работы общие вопросы истории церковнославянского языка не рассматриваются (исключением являются наблюдения над употреблением прописных-строчных букв в *Требнике Петра Могилы* и в других изданиях). Вероятно, автор не счел это необходимым, поскольку эти вопросы выходят за рамки заявленной темы диссертационного исследования. Но в некоторых случаях таких экскурсов явно не хватает. Так, сравнивая текст *Московской Библии 1663* с *Острожской*, монах Пантелеимон указывает на значительное количество замен «o» на «w» и вскользь замечает, что «*Московская Библия* представляет собой результат не столько сопоставления текстов, сколько последовательного применения грамматических норм к федоровскому тексту» (с. 105). Здесь было бы уместно пояснить, о каких нормах идет речь. Почему-то здесь ничего не говорится о литере

«о-широкое», в то время как в Московском издании «о» употребляется. Или же распределение «о — о» правке не подверглось?»

Анализируя материал, автор стремится к максимальной строгости, не позволяя себе фантазий и домыслов. Сравнивая славянский материал с греческим и устанавливая связь разночтений, встречающихся в греческих рукописях, с разночтениями славянских печатных изданий, монах Пантелеимон лишь констатирует факт, что то или иное разночтение сделано под влиянием греческого текста и не пытается ответить на вопрос, какими греческими изданиями или рукописями могли пользоваться славянские справщики и каким вообще образом осуществлялось влияние греческого текста на славянский. Конечно же, такой отказ вполне разумен. Автор принципиально отвечает лишь на те вопросы, ответы на которые дает его материал. Поиск непосредственных источников, предполагающий обращение не к критическим изданиям греческого текста, а к обиходным изданиям XVII—XIX веков, является отдельной сложной работой, явно лежащей за пределами данного исследования. Аскетизм автора и его принципиальное нежелание прибегать к фантазиям и общим рассуждениям вызывает глубокое уважение.

Очень интересны наблюдения автора, связанные с тем, как последующая традиция принимала исправления, предложенные елизаветинскими справщиками. На материале тех небольших фрагментов описать полную картину едва ли возможно. Тем не менее предварительная группировка послеелизаветинских изданий по отношению к принятию / неприятию решений елизаветинских справщиков была произведена (с. 118—119). Эта предварительная классификация представляет собой первый в мировой славистике опыт текстологической истории отдельной библейской книги в истории славянского книгопечатания Нового времени. Это важнейший результат, который, вне всякого сомнения, окажет стимулирующее воздействие на изучение истории церковнославянской книжности Нового времени.

Конечно, хотелось бы, чтобы в будущем эта работа была проделана для большего объема текста. Вероятно, имело бы смысл параллельно с «бумажным» изданием опубликовать (на CD или в интернете) собранный монахом Пантелеимоном материал в виде базы данных, позволяющей получать не только характеристики конкретных изданий и списки

разночтений в пределах групп, но и списки разночтений, соотносящихся с конкретными явлениями (морфология, пунктуация, орфография, диакритика и т. д.). Такая база могла бы стать очень полезным инструментом для исследования церковнославянского языка и текста эпохи книгопечатания.

В качестве замечания можно указать на отсутствие полного списка книг, содержащих проанализированные монахом Пантелеимоном зачала. Имеется только список источников, включающий 65 позиций. Хотелось бы соотнести его с полной библиографией, что позволило бы понять, какая часть известных источников, содержащих рассмотренные зачала, была изучена. Навскидку, перечень источников кажется вполне достаточным, но было бы полезно иметь точную информацию.

Высказанные замечания и пожелания ни в коей мере не влияют на положительную оценку диссертационного исследования монаха Пантелеимона. Благодаря этой работе белое пятно, которое еще недавно представляла собой история славянской Библии, начало заполняться конкретным материалом. Работа представляет собой основу будущей монографии.

Основные положения диссертации отражены в автореферате и публикациях автора. Работа монаха Пантелеимона заслуживает самой высокой оценки. Она удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата богословия, а ее автор заслуживает присвоения искомой степени.

9.1. Отзыв официального оппонента преподавателя иерея Олега МУМРИКОВА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА СЗО игумена АВГУСТИНА (Неводничика) на тему «Воспитание нравственных семейных ценностей у молодежи в условиях современного общества»

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения, библиографического списка (195 источников, в том числе два — на английском языке). Общий объем текста работы составляет 153 страницы. Объем двух приложений (Конспект лекций для воскресной школы «Богословское освещение этико-семейных отношений для молодежи» и Литературное приложение к данному курсу) — 205 страниц.

Диссертация посвящена исследованию возможностей богословского освещения этико-семейных отношений для молодежи в современных условиях, причем теоретическая работа находит исполнение в опыте разработки и построения масштабного лекционного курса, представленного в Приложении.

В ситуации, когда сам институт брака и за рубежом, и в нашем Отечестве находится в состоянии дискредитации и деградации (что ведет к трагическим последствиям — ломке миллионов человеческих судеб), актуальность работы сложно переоценить. Поставленная задача нашла вполне конструктивное исполнение.

К безусловным достоинствам работы следует отнести широкую эрудицию в области художественной, публицистической и христианской педагогической литературы, возрастной психологии, богословия; прекрасный стиль изложения; глубокую заинтересованность автора в предмете исследования; подход к решению указанных научных проблем в рамках системного анализа, умение творчески систематизировать материал и делать самостоятельные выводы.

Проведена серьезная работа с источниками по систематизации подходов к решению задач духовно-нравственного просвещения в сфере семьи и брака в современных условиях — в этом заключается научно-практическая новизна и значимость исследования.

Особую ценность представляет конспект лекций для воскресной школы «Богословское освещение этико-семейных отношений для молодежи», построенный в соответствии с дидактическими требованиями и возрастными особенностями аудитории. Данный курс, состоящий из девяти последовательно связанных между собой тематических разделов, не только раскрывает евангельские нормы нравственности при взаимоотношении полов, но в целом направлен на воцерковление молодых людей, органично включая в себя православную догматику (христологию, экклезиологию, сотериологию, антропологию) и элементы апологетики. Цикл в виде различных модификаций может найти широкое применение не только в приходской практике, духовно-просветительских центрах, но и в старших классах школ, колледжах, ВУЗах, воинских частях, являясь, по сути, адекватной православной альтернативой насаждаемых программ по «планированию семьи». Следует отметить наличие глубо-

ких систематических межпредметных связей с такими дисциплинами как литература, мировая художественная культура, обществоведение.

Говоря о достоинствах, вместе с тем следует отметить ряд следующих недостатков.

Замечания по существу.

1. В параграфе 2.1 («Тайнство брака»), говоря о богоустановленности брака в раю, игумен Августин мог бы глубже коснуться библейско-святоотеческого учения об образе Божиим в человеке как многоипостасном единстве, восстанавливаемом в таинствах Церкви, — искомая степень кандидата богословия к этому обязывает (то же относится и к другим замечаниям богословского характера).

2. В параграфе 2.1.1 («Брак и деторождение») следовало бы выделить и написать раздел, посвященный православному отношению к телу как святыне, храму Духа Святого (1 Кор. 6, 19), наследующему наравне с душой человека вечную жизнь после всеобщего воскресения и символически-таинственно несущему на себе печать Божественного образа. Это же замечание относится и к разработанному курсу.

3. В параграфе 7.4 Лекционного курса (с. 225—226) автор хорошо показал, как образ брачных отношений в Ветхом Завете используется для раскрытия понятия завета человечества (в частности, израильского народа) с Богом. Остается сожалеть, что в основной части работы (параграф 2.1) прообразовательные библейско-богословские места Ветхого Завета соответствующей тематики даже не упоминаются.

4. Цитируя «Основы социальной концепции РПЦ», автор совершенно не упоминает другой документ общецерковного значения, также прямо относящийся к теме диссертации, особенно к первой главе, посвященной анализу духовно-нравственного состояния современного общества, — «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятый на Архиерейском Соборе в 2008 г. как дополнение к «Основам социальной концепции РПЦ». «Основы социальной концепции РПЦ» почему-то вообще отсутствуют в списке библиографии.

5. На с. 129 игумен Августин говорит о положительной динамике в уровнях сформированности ценностного отношения к семье у старших школьников, прослушавших курс «Богословское освещение этико-семейных отношений для молодежи». Непонятно, как были получены

эти результаты (проводились ли констатирующий, формирующий и контрольный этапы эксперимента — анкетирования, опросы и т.д.). На каком временном отрезке шел эксперимент (диссертант ограничивается неопределенным словосочетанием «несколько лет», далее говорит о 2008/2009 учебном году на с. 109)? Где можно познакомиться с точными данными, свидетельствующими об эффективности курса?

Замечания частного характера.

1. На с. 51 цитированные слова «блажен, кто несет иго брака с юности своей и пользуется природой для рождения детей» выглядят как прямая речь апостола Павла. На самом деле здесь проф. С. Троицкий цитирует I правило св. Афанасия Великого: в оригинале вместо слова «апостол» стоит «св. отец».

2. На с. 111 автор при планировании урока перепутал понятия «цель» и «задачи». Цель, как правило, одна, задач — несколько, а не наоборот.

3. В лекционном курсе на с. 187 автор, приводя филолого-экзегетический комментарий на Быт. 2, 21, спутал еврейский язык с английским (евр. *צלע* — «ребро» [cela], по-английски же — rib).

4. Представленный в приложении лекционный курс был бы более эффективным при системной разработке не только литературно-художественного, но и соответствующего иллюстративного материала (иконография, произведения живописи, иллюстрации к цитированным произведениям литературы).

5. Замечания по оформлению источников в списке библиографии: журналы без указания конкретных статей, не совсем должным образом оформленные электронные источники).

В целом же представленная диссертация, несмотря на некоторые недостатки, является вкладом в практическую православную педагогику и миссиологию, удовлетворяет основным требованиям, предъявляемым к кандидатским работам выпускников МДА, и заслуживает присуждения искомой степени кандидата богословия.

9.2. Отзыв официального оппонента доктора математических наук, доктора педагогических наук, профессора Вильнюсского педагогического университета О. Л. ЯНУШКЯВИЧЕНЕ на кандидатскую диссертацию выпускника МДА СЗО игумена АВГУСТИ-

НА (Неводничека) на тему «Воспитание нравственных семейных ценностей у молодежи в условиях современного общества»

В последнее время в психологических и педагогических исследованиях наблюдается все более возрастающий интерес к проблемам взаимоотношений мужчины и женщины. Духовная культура, сформировавшаяся после крещения Киевской Руси и долгое время дававшая фундамент для построения отношений между полами, уже значительное время не является для многих граждан России определяющей в рассмотрении вопросов указанного рода, что приводит к множеству проблем как в семейной жизни, так и в вопросах воспитания детей. Господствующий в обществе плюрализм ценностей приводит к размыванию целей воспитания вообще, семейного воспитания в частности. Уже говорится о том, что традиционная форма семьи «отжила свое», что однополюе семьи являются нормой, что родители не имеют права пытаться направлять детей, поэтому как нельзя более актуальны в настоящее время исследования, позволяющие с позиции Церкви на языке науки оценить процессы, происходящие в обществе, и подойти к вопросу воспитания, используя писания святых отцов. Последнее делает тему исследования очень актуальной.

В рецензируемом исследовании с опорой на работы святителя Иоанна Златоуста, церковных мыслителей: архиепископа Евгения (Решетникова), священников Александра Ельчанинова, Алексея Рождественского, Анатолия Гармаева, Артемия Владимирова, Василия Зеньковского, Владимира Воробьева, Глеба Каледы, Ильи Шугаева, Иоанна Мейендорфа, Сергия Четверикова, а также исследователей: Г. Г. Алексеева, А. Гусева, К. Зорина, И. Ильина, С. Колумзиной, Л. И. Писарева, А. А. Сараева, Н. Страхова, С. В. Троицкого, Н. Г. Храмова, О. Л. Янушквичене, Р. В. Янушквичюса и др. предлагается авторский вариант видения возможности богословского освещения этико-семейных отношений для молодежи с позиций православного вероучения путем интеграции педагогического и психологического знания.

Игумен Августин (Неводничек) подверг глубокому и всестороннему анализу большой пласт научных исследований философов, психологов и педагогов, соотнося их работы с положениями православного богословия.

Диссертация игумена Августина (Неводничека) является ярким научным исследованием, имеющим несомненную новизну, а также практическую и теоретическую значимость.

На основе учения святителя Иоанна Златоуста, работ протоиерея Василия Зеньковского, С. В. Троицкого и др. в работе предложен анализ системы нравственных семейных ценностей, обоснована и опытно подтверждена необходимость воспитания этих ценностей у молодежи в условиях современного общества, предложена система воспитания нравственных семейных ценностей у учащихся старших классов, включающая целенаправленное сотрудничество педагогов с родителями.

Несомненной заслугой автора является разработка оригинального конспекта лекций для занятий по программе «Богословское освещение этико-семейных отношений для молодежи» на основе православного учения о таинстве брака.

Важным для практики и теории семейного воспитания следует считать предложенные в исследовании содержание, формы и методы воспитания нравственных семейных ценностей у молодежи.

Исследование игумена Августина (Неводничека) имеет практическую значимость: его материалы могут быть использованы при разработке учебных курсов для молодежи по подготовке к семейной жизни, при подготовке программ старших групп воскресных школ. Особый интерес труды автора представляют для работы с родителями учеников воскресных школ, организации циклов лекций для них.

Представленные в диссертации выводы обоснованны и достоверны. Содержание исследования в полной мере отражено в публикациях автора, а текст автореферата адекватно отражает текст диссертации.

Вместе с тем следует сделать определенные замечания.

1. В диссертации неоднократно приводятся ссылки на проделанную практическую апробацию результатов работы, например, на с. 119 пишется, что материалы «опытной работы позволили зафиксировать качественные изменения, которые произошли в развитии ценностного отношения к семье у старшеклассников». Однако не приводится анализ экспериментальных данных, позволивший сделать такой вывод. Желательно более подробно осветить, каким образом проводился анализ качественных изменений в мировоззренческих установках участников эксперимента.

ОТЗЫВЫ НА КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

2. Во введении имеет смысл выписать отдельным пунктом основные положения, выносимые на защиту.

3. Также во введении следует описать теоретическую значимость исследования, которая является несомненной.

Указанные недостатки тем не менее не снижают общего уровня диссертационной работы и существенно не влияют на оценку значимости и качества исследования.

В целом рецензируемая диссертационная работа — самостоятельное научное исследование, обладающее научной новизной и теоретической значимостью, а ее автор игумен Августин (Неводничек) заслуживает присвоения ему искомой ученой степени кандидата богословия.